

Геннадий Авласенко

Повелители Чёрного леса

Введение

Стив

Солнце уже клонилось к закату, когда одна из двух лошадей Стива пала, не выдержав изнурительной этой скачки. Вторая лошадь тоже выглядела достаточно утомлённой и Стив, не понукал её больше... тем более что конечная цель путешествия была уже близка. Этот небольшой лесочек, вернее, перелесочек, Стив помнил ещё с самого раннего детства: первые дома селения начинались сразу за ним...

Выехав на открытую местность, Стив остановился, чуть привстав на стременах и жадно вглядываясь. Вот оно, родное селение юноши со странным названием Гремучий лог. Здесь он родился когда-то, здесь во время вражеского набега погибли его отец и мать, и тогда его приютил дядя, родной брат матери, приютил и стал мальчику вместо отца.

И дом дяди стал для Стива родным домом... и всё это время оставался ему родным домом.

Всё это время... вплоть до вчерашнего дня...

Ну, ничего, они за это ответят!

Все они за это ответят!

Скрипнув зубами от распирающей его ярости, Стив вонзил шпоры во впалые, тёмные от пыли и пота бока своего скакуна и бешеным налётом помчался по центральной улице селения. Там было почти безлюдно, не более десятка человек встретилось Стиву, да и то это были в основном женщины и дети. Потом Стив свернул в один из переулков... и вот он уже у цели...

И имя этой цели — скорбь!

И имя этой цели — месть!

Обугленные развалины дядиного дома ещё дымились. И не удивительно, ибо не далее как вчера утром развалины эти были домом. И в доме этом ещё вчера утром находились люди...

Живые люди.

Дядя Стива был ещё жив вчера утром. И тётя тоже была ещё жива, тётя, которая всегда относилась к маленькому Стиву как к родному своему сыну и никогда, ни в чём не делала различия между ним и двумя своими дочерьми, двоюродными сестрёнками Стива.

Впрочем, он тоже всегда думал об этих девочках, как о своих родных сестрёнках. Да они и были ему родными, самыми родными из всех...

Но вчера утром их уже не было в живых. После того, как старший жрец торжественно и принародно проклял дом дяди и отлучил и его

самого, и всю его семью от племени (это случилось позавчера), тем же самым вечером в дядин дом ворвалось около двух десятков мужчин селения. Они избили и связали дядю с тётёй, потом долго и изошрённо издевались над обеими девочками, старшей из которых было чуть больше шестнадцати, а младшей всего только четырнадцать. А когда насильники, вдоволь натешившись, покинули, наконец, ругаясь и гогоча, осквернённое жилище, сестрёнки Стива по очереди закололи себя единственным имевшимся в доме кинжалом. Они сделали это прямо на глазах у обезумевших от горя родителей, которые, будучи крепко связанными, никак не могли помешать им в этом.

Тётя сошла с ума сразу, а дядя, сумев-таки уже под утро освободиться от пут, попытался этим же окровавленным кинжалом убить старшего жреца, что ему, естественно, не удалось.

И этим он подписал себе смертный приговор.

И тётя сгорела вместе с ним, отказавшись покинуть дом. Впрочем, никто на этом особенно не настаивал...

Стив спешился и, подойдя вплотную к развалинам, опустился перед ними на колени. Слезы душили его изнутри, но плакать он не мог... почему-то он не мог сейчас плакать.

Ему хотелось мстить, а не плакать!

— Смотри, а это не он, часом? — слышался позади Стива чей-то хриплый голос. — Точно он!

Стив обернулся. Двое мужчин стояли за невысокой оградой и, вытаращив глаза, с изумлением смотрели на него.

— Ну, чего вы ждёте? — негромко проговорил Стив, поднимаясь с земли. — Вы же так хотели меня видеть! Зовите вашего жреца... всех зовите, я никуда не собираюсь убежать...

— Тебе и не убежать! — не совсем уверенно произнёс один из мужчин. Потом он повернулся и, сначала медленно, а потом всё быстрее и быстрее зашагал по направлению к дому жреца.

— Проследи, чтобы этот отступник никуда не скрылся! — крикнул он уже издали своему напарнику.

Но тот тоже поспешил прочь, созывать, как понял Стив, жителей селения на увлекательнейшее зрелище священного жреческого суда над отверженным нечестивцем.

Никак на это не отреагировав, Стив лишь молча стоял возле пепелища, и молча же взирал на постепенно увеличивающуюся толпу. Люди спешили сюда со всех сторон, все жители селения, кажется, собрались тут, образовав большой полукруг, в центре которого находился Стив. Впрочем, никаких враждебных намерений к юноше собравшиеся односельчане не проявляли, пока, во

всяком случае. Они просто стояли и просто смотрели на Стива. И он тоже просто стоял и просто смотрел на них со странным каким-то выражением, но это не было выражением страха. Он почему-то совершенно их не боялся, и это удивляло людей, ибо отступник, проклятый жрецами и Высоким Небом, не мог не догадываться о той участи, которая ожидала его в самое ближайшее время.

Вдруг толпа вздрогнула, заволновалась, раздалась в обе стороны, а по образовавшемуся проходу уже важно шествовал главный жрец, в парадном своём облачении, ярко сверкающем в лучах предвечернего солнца. В чуть приподнятой правой руке жрец властно сжимал священный посох, в опущенной же левой видны были крепко зажатые амулеты, надёжно защищающие их обладателя от всевозможных козней сил зла и мрака.

Четыре младшие жрицы, молодые и красивые, как на подбор, шли чуть позади своего владыки и повелителя. Одна из них держала в руках незажжённые ещё факелы, остальные несли в бронзовых сосудах масло для будущего костра. Всё это, и масло и факелы, предназначалось, естественно, ему, Стиву...

Но пока жрец не торопился, возможно, умышленно оттягивая неизбежную страшную

развязку. Куда важнее самой даже этой развязки было для него возможность продемонстрировать юноше свою власть и над ним, и над всем селением, заставив отступника на глазах у всех собравшихся униженно и подобострастно пасть на колени, моля о пощаде и снисхождении. Молча выслушать жалкий срывающийся лепет обречённого на смерть, возможно, даже дать ему некую призрачную надежду на снисхождение... и отвергнуть, в конце концов, это самое снисхождение. А, может, и не отвергнуть, ибо жрец всё же нуждался в большом количестве слуг, бывших, скорее, вечными его рабами, а не просто слугами.

Жрец остановился, когда между ним и Стивом оставалось каких-либо пять-шесть шагов, и тут же, как по команде, остановились жрицы у него за спиной. А раздавшаяся, было, в стороны толпа вновь сомкнулась за их спинами и настороженно притихла, стараясь не пропустить ни слова из того, что будет говорить, а вернее, вещать жрец.

Но жрец пока молчал. Молчал и смотрел на Стива. Пронзительный взгляд его тёмных с ненатурально расширенными зрачками глаз буквально впился в лицо Стива... жрец словно пытался пристальным этим взглядом сломить волю юноши, подчинить себе самую его сущность, а Стив в свою очередь тоже пристально смотрел на жреца. Этот безмолвный поединок глаз длился

довольно долго, и жрец с досадой и разочарованием вынужден был признать, что цели своей он не достиг. Стив не только не испытал страха или хотя бы растерянности... наоборот, во взгляде его жрец внезапно прочёл что-то такое, что заставило его самого настороженно вздрогнуть. Какое-то смутное ощущение близкой опасности молнией промелькнуло в его сознании, но жрец тут же постарался отмахнуться от этого странного ощущения. Одинокий и почти безоружный юноша... чем может грозить он могущественному повелителю целого селения?

— Исчадие зла и тьмы! — гневно выкрикнул жрец заранее приготовленные слова. — Чёрный вестник, трусливо избежавший заслуженной для него участи, мерзкий выродок, примкнувший к шайке самых гнусных бандитов и разбойников, отступник, лишивший себя права называться благородным сыном нашего славного племени! Вот! — костлявая рука жреца взметнулась вверх и посохом указала на обугленные развалины позади Стива. — Смотри на дело рук своих! Ты один виноват в том, что произошло с ними! С теми, кто подобрал тебя, сирого и убогого! Кто милостиво разрешил тебе стать полноправным членом своей семьи, кто воспитал тебя, как родного сына! И чем же ты отплатил им за всё их добро, мерзкий отступник?!

Выкрикнув всё это одним духом, жрец замолчал, а толпа за его спиной одобрительно и, одновременно, как-то угрожающе загудела. Сам же Стив по-прежнему стоял молча и совершенно неподвижно, и даже непонятно было, расслышал он гневные слова жреца или они вообще не достигли его слуха.

— Ты, может, думал, что кара Высокого Неба минует тебя? — продолжил между тем жрец обличающую свою речь, но теперь голос его звучал не гневно, а, скорее, вкрадчиво, мягко и даже почти печально. — Ты думал спастись, но забыл, что Высокое Небо не прощает подобного святотатства! Ведь это ты не сам явился сюда, как ты, возможно, в простоте своей считаешь. Тебя привёла сюда Высшая воля, дабы страданием смог ты искупить тяжкие свои прегрешения и получить всё же возможность оказаться там, наверху, среди небожителей, а не в мерзкой обители вечной тьмы и мрака!

Жрец вновь замолчал и посмотрел на юношу, в надежде хоть сейчас обнаружить на лице его, ежели не страх и раскаяние, то хотя бы некоторое смятение, что ли... И вновь он ничего не смог прочитать на неподвижном лице Стива, совершенно даже ничего...

— Не жди лёгкой смерти, мерзкое исчадие зла! — закричал жрец, и голос его задрожал от

плохо скрытой ярости, впрочем, сквозь ярость в голосе его слышалось и некое мрачное торжество. — Ты будешь умирать долго и мучительно, и, умирая, ты будешь вымаливать у меня эту самую смерть, вымаливать, как акт неслыханного благодеяние и милосердия! Но я не окажу тебе этого милосердия, и не надейся на это, святотатец! А потом мы устроим для всех жителей селения большой праздник, в честь победы Небесного света над силами тьмы и ночи, которые ты в данный момент и представляешь! Что же ты молчишь? — неожиданно спокойно и даже буднично как-то спросил жрец. — Или ты потерял дар речи, онемев от страха?

— Да нет, — тихо и словно нехотя проговорил Стив. — Я не потерял дар речи. Я просто внимательно тебя слушал. Что же касается праздника, то это отличная идея, жрец! И я тоже обещаю вам праздник, хотя вряд ли он кому-либо придётся по душе. Но уж не взыщите...

— Он издевается над нами! — выкрикнул вдруг кто-то из толпы. — Чего ждать, вяжите его!

Толпа одобрительно зашумела, но жрец, подняв руку, вновь заставил её замолчать.

— Ты что, грозишь нам? — несколько озадачено спросил он Стива. — Интересно, чем?

— Обернись! — сказал Стив, всё так же спокойно и как бы нехотя. — И вы все обернитесь!

И такая уверенность была в негромком голосе юноши, что вся толпа, как один человек, повернула головы. И жрец тоже посмотрел туда, куда указывал Стив.

И все увидели множество всадников с заряженными арбалетами в руках. И всадники эти уже начинали обтекать ошеломленную толпу с обеих сторон.

Стив тоже вскочил на коня, но этого, кажется, никто даже не заметил... никто, кроме жреца, молча и испуганно взирающего на юношу.

— Ну, что же ты замолчал, жрец? — всё так же спокойно и неторопливо проговорил Стив, подъезжая к жрецу вплотную. — Или теперь уже ты потерял дар речи?

— Ты не посмеешь причинить мне вред! — слегка заикаясь от волнения, выкрикнул жрец, выставив перед собой священный посох. — Высокое Небо и так гневается на тебя!

— Высокое Небо?!

Мгновенным, почти неуловимым движением Стив выхватил из рук жреца посох и легко, без всякого даже усилия разломал его пополам, швырнул обломки под ноги жрецу. Испуганно вскрикнув, жрец отпрянул в сторону, или, вернее, попытался отпрянуть. Стальная хватка молодого воина остановила его на полпути, затем жрец, извиваясь и полузадушено хрипя, повис в воздухе

на вытянутой левой руке Стива.

— Я отправлю тебя на Высокое Небо! — всё так же спокойно и бесстрастно проговорил Стив, потом он помолчал немного и с какой-то странной интонацией в голосе добавил: — Но это будет не сейчас, чуть позже. Пока же прими вот это!

Он взмахнул правой рукой и жрец, получивший страшный удар в голову, пролетел по воздуху не менее пятнадцати шагов и рухнул затем прямо в обугленные развалины бывшего дома, рухнул да и остался лежать там совершенно неподвижно. Но Стив уже не смотрел в ту сторону, он смотрел теперь на толпу бывших своих сельчан, которая потрясённо ахнула, увидев подобное святотатство. Некоторые женщины упали в обморок, несколько мужчин выхватили из ножен мечи, но таких было немного, да и они тотчас же вложили оружие обратно в ножны. Торопясь поскорее увидеть кровавое зрелище, мужчины прибежали сюда почти безоружными, с одними мечами, никак не полагая, что им могут понадобиться арбалеты. И вот теперь они, кажется, жестоко об этом сожалели. И взирали на Высокое Небо, в тайной надежде, что оно-то и обрушит сейчас страшную свою кару на голову нечестивца и всех его соратников.

Впрочем, нашёлся один воин, который не стал особо полагаться на вмешательство высших сил.

Бесцеремонно расталкивая в стороны односельчан, он вышел вперёд и встал прямо перед Стивом, высокий и широкоплечий. Рука воина крепко сжимала рукоятку меча, но обнажать меч воин пока не торопился.

— Волчий выкормыш! — процедил он прямо в лицо Стива. — Предатель родного племени! Ты привёл сюда весь этот разноплеменный сброд против своих родных и близких, мерзкий отступник?!

— Вы уничтожили всех моих родных! — ответил ему Стив всё тем же бесстрастным и даже каким-то бесцветным голосом. — И потому среди вас больше нет моих близких!

Обернувшись, воин окинул презрительным взглядом вооружённых арбалетами всадников позади толпы, потом он вновь перевёл взгляд на Стива.

— Ты такой храбрый, потому что тебя охраняет сотня воинов? — сказал он с ухмылкой и самым оскорбительным тоном, на который был способен. — Или, может, ты всё же осмелишься сразиться со мной один на один? Можешь даже оставаться в седле, я всё равно вышибу тебя оттуда вот этим мечом!

Воин выхватил из ножен тяжёлый боевой меч. Кто-то из всадников прицелился в него, но Стив, подняв руку, остановил нетерпеливого стрелка.

Затем, соскочив с лошади, он вытащил свой меч.

— Я сражусь не только с тобой, Кребс, — проговорил Стив, и впервые за весь этот диалог в ровном и до сих пор вполне бесстрастном голосе юноши что-то изменилось, впервые в нём слышались плохо скрытые нотки гнева и нетерпения. — Я сражусь с любым из вас, с тем, кто этого пожелает! Но прежде, чем мы скрестим мечи, Кребс, ответь мне на один только вопрос. Скажи, ты был тем вечером в доме моего дяди? Ты принимал участие в том, что там потом происходило с моими...

Не договорив, Стив замолчал, но Кребс и так прекрасно его понял.

— Да! — взревел он что есть силы и, подняв меч, бросился на Стива. — Да, я был там!

Он наносил удар за ударом, а Стив просто парировал их, лениво, небрежно и словно нехотя. Это явное пренебрежение противника только ещё больше взъярила Кребса.

— Ты спросил, принимал ли я участия в том, что там происходило?! — кричал он, без устали осыпая юношу мощными, но, увы, совершенно безрезультатными ударами. — Не просто принимал, я был первым, кто повалил твою младшую сестру на пол, кто срывал с неё одежду! Она потом досталась многим, но я был первым, слышишь ты, исчадие сил тьмы и мрака?! Я был не

только первым тогда, в тот вечер, я, вообще, был первым её мужчиной! О, как она извивалась тогда подо мной, как кричала, как просила нас не трогать её и сестру! А ещё она проклинала тебя в этот миг, слышишь ты, отступник, она проклинала тебя за то, что ты...

Никто даже не заметил, как это произошло. Ещё мгновение назад Кребс яростно взмахивал мечом и вызывающе орал прямо в лицо Стиву... и вдруг он оказался без головы. Его голова покатилась куда-то в сторону, а обезглавленное туловище, выронив меч, ещё какое-то краткое мгновение стояло, покачиваясь, прямо перед окровавленным мечом Стива, потом оно тяжело рухнуло наземь.

Но Стив, казалось, даже не заметил этого. Остановившимся и почти безумным взглядом он смотрел на толпу бывших своих односельчан, и толпа, вся, как один человек, невольно попятилась под этим его взглядом. Впрочем, пятиться далеко ей не пришлось, позади людей грозно возвышались всадники с арбалетами. Толпа, скорее, сжалась, чем попятилась...

— Она, что, и в самом деле проклинала меня? — тихим, надломленным каким-то голосом проговорил Стив, ни к кому конкретно не обращаясь. — Ведь этого не могло быть, он солгал! Ну, что же вы молчите?! — внезапно выкрикнул

Стив, и голос его громовым раскатом пронёсся над площадью. — Скажите, что он солгал, этот грязный ублюдок!

Но люди молчали. Они лишь отводили глаза, когда взгляд Стива, гневный и умоляющий одновременно, останавливался на них, или продолжали исподлобья смотреть на него, но никто не промолвив и слова...

— Ну что ж, — сказал Стив, опуская меч, и голос его вновь зазвучал холодно и бесстрастно. — Кто-нибудь ещё желает скрестить со мной меч?

И вновь единственным ответом ему было лишь молчание испуганной и ненавидящей толпы.

— Нет желающих?

— Я буду драться с тобой, Стив! — сказал вдруг молодой воин, одного примерно, возраста со Стивом. Он сделал шаг вперёд и вытащил меч из ножен. — Мы когда-то были друзьями, но это было раньше! Сейчас мы враги и я постараюсь убить тебя, хоть и вижу, что шансов у меня почти нет. Но перед тем как мы скрестим мечи, я хочу, чтобы ты знал: я не был в тот вечер в доме твоего дяди! Я даже пытался отговорить других, но мне это, увы, не удалось. Но не потому я не пошёл туда, что считал тебя своим другом — к этому времени ты уже стал для меня врагом и подлым предателем, и остаёшься им по сей день! Я просто считал, что твой дядя и его семья не должны отвечать за твои

преступления перед племенем и Высоким Небом! Но я так и не смог убедить в этом остальных, и сейчас горько сожалею об этом! Но только об этом! А теперь скрестим мечи, как полагается воинам!

— Ты был мне другом, Глен! — задумчиво проговорил Стив. — И мне очень не хотелось бы убивать тебя...

— А мне очень хочется это сделать, бывший друг! — выкрикнул Глен, с быстротой молнии бросаясь вперёд и одновременно с этим взмахивая мечом.

Удар был направлен в незащищённую голову Стива, и он почти достиг цели... но в самое последнее мгновение Стив сделал быстрый и почти незаметный для глаз шаг влево. Потом, когда, растерявшийся и потерявший равновесие Глен, по инерции наклонился вперёд и ткнул мечом в землю, Стив коротко и сильно ударил его рукояткой своего меча в висок. Выронив меч, Глен упал бесчувственно прямо на обезглавленное тело Кребса.

— Ну, есть ещё желающие? — тихо и грозно спросил Стив у безмолвной толпы. — Только имейте в виду: никого больше щадить я не намерен!

Толпа подавленно молчала, и Стив понял, что охотников сразиться с ним больше не будет.

— Связать всех мужчин! — крикнул он всадником. — Всех до одного! Тех, кто попытается

бежать или сопротивляться — убейте! Но, только тех!

Сопротивления не оказал никто, попыток убежать тоже не наблюдалось... и вскоре все мужчины и юноши, включая и ещё не пришедшего в сознания Глена, были крепко скручены и брошены в общую кучу неподалёку от развалин. Рты им затыкать не стали, давая полную возможность громко и совершенно безнаказанно ругаться и проклинать Стива, сколько душе будет угодно, ибо тот не обращал на отчаянную эту ругань и проклятия ровно никакого внимания.

— А со жрецом что делать? — спросил у Стива Варкраб, бывший главарь бандитского отряда, а теперь его верный помощник и заместитель. — Отпустить?

— Со жрецом?

Резко обернувшись, Стив посмотрел в сторону неподвижно лежащего жреца. Глаза юноши нехорошо сузились, обветренные губы сложились в некое подобие улыбки. Только нехорошая эта была улыбка, недобрая...

— Привязать к этому дереву! — сухо и отрывисто приказал он. — И обложить дровами до пояса!

— Зачем? — недоуменно спросил Варкраб. — Ты что, хочешь сжечь жреца?

— Ты что, не понял приказа? — так и не

ответив на вопрос своего заместителя, тихо проговорил Стив. — Не понял?

— Понял! — угрюмо пробормотал Варкраб. — Только ведь это жрец...

— И что?

— Ничего! — Варкраб помолчал немного и, пожав широкими плечами, добавил ещё более угрюмым тоном:— Даже в набегам на вражьи селения обычно не трогают жрецов! Впрочем, тебе виднее...

Он тронул лошадь и, подъехав к воинам, вполголоса отдал им распоряжение. Видно было, как ошеломленные воины пытались, было, спорить, но, в конце концов, сдались. Жрец был крепко прикручен к дереву и старательно обложен сухими дровами. Потом Стив собственноручно и, невзирая на недовольное ворчание воинов, вылил на одежду жреца и дрова вокруг его всё до капельки масло, первоначально предназначавшееся ему самому. Впрочем, проделав всё это, Стив, словно сразу же потеряв к жрецу всяческий интерес, вскочил в седло и обратился к воинам.

— Всем слушать! — громовым голосом крикнул он, чуть приподнявшись при этом на стремянах. — Дом жреца — ваш! Всё вокруг — ваше! И женщины тоже ваши! Все, каких пожелаете! Но никого не убивать и не увечить! Дома тоже не жечь!

С радостными возгласами спешившиеся воины бросились к сбившимся в кучу женщинам, начали их бесцеремонно расхватывать, тащить в ближайшее жилище, причём, четырёх жриц, пришедших вместе со старшим жрецом, схватили одними из первых. И яростные выкрики крепко скрученных мужчин, валяющихся неподалёку от развалин, мгновенно были заглушены горестными воплями и рыданием женщин, тщетно умоляющих о пощаде.

Но пощады не было никому. Ни один мускул не дрогнул даже на каменном лице Стива, молча и бесстрастно взирал он на всю эту вакханалию. Варкраб тоже почему-то не участвовал во всеобщем разгуле. Неподвижно восседая на лошади, он мрачно выслушивал отчаянные крики и вопли, искоса при этом посматривая в сторону Стива.

— Осуждаешь? — ощутив на себе очередной косой взгляд своего заместителя, спросил Стив Варкраба.

— Нет, — ответил тот. — Просто, не совсем понимаю.

— И не надо! — сухо произнёс Стив и вдруг, вздрогнув, как от удара, пришпорил лошадь, бросая её в бешеный намёт. Впрочем, проскакав каких-либо сотню шагов, он резко осадил лошадь как раз напротив двух воинов, только что вытащивших из сарая отчаянно сопротивляющуюся

девушку в разорванном до пояса платье. В девушке Стив признал дочку дядиного соседа, Геру, в которую был когда-то тайно влюблён и даже мысленно представлял её своей будущей женой. Это было всего каких-либо полгода назад... и как же давно это было...

— Не трогайте её! — приказал он, и воины беспрекословно отпустили девушку. Потом, взглянув испугано на предводителя, они молча метнулись прочь, в поисках новых жертв.

Но Стив уже не смотрел в их сторону, его взгляд был прикован к девушке, сидевшей на земле и старательно, но безуспешно пытавшейся прикрыть обнажённую грудь обрывками платья. При этом она даже не подняла глаз на Стива, как будто его и не было тут, рядом с ней, как будто это не он только что ей помог.

— Не бойся, Гера, — проговорил Стив негромко, по-прежнему не спуская глаз с девушки. — Никто не тронет тебя. Я обещаю.

Гера подняла голову и, казалось, только сейчас заметила Стива.

— А почему? — спросила она, вставая и уже больше не пытаясь прикрыть платьем грудь. — Почему это меня никто не тронет? Чем я лучше других? Или ты оставил меня для себя, грязный предатель?! На, бери!

Она вдруг изо всей силы рванула на себе до

половины разорванное платье и, совершенно из него высвободившись, встала напротив Стива, нагая и прекрасная в своём гневе.

— Ну, чего ты ждёшь, исчадие тьмы?! На, жри!

— Иди, оденься! — всё так же негромко сказал, а вернее, приказал Стив, глядя куда-то в сторону. — И будь в своём доме. Тебя никто не тронет, даю слово!

— Слово бандита?! — Гера вдруг расхохоталась, зло и насмешливо. — Слово убийцы!

— А вы все не убийцы?! — ответно вскипел Стив. — Ведь твой отец, он тоже был в доме моего дяди в тот вечер? Или не был?

— Да, был! — выкрикнула Гера с перекошенным от ненависти лицом. — И если ты желаешь отомстить — давай, мсти!

— Я же сказал: тебя никто не тронет! — сквозь плотно сжатые зубы процедил Стив. — И я тоже не трону тебя! Иди в дом!

— Так ты не желаешь меня, да?! — Гера вновь зло и насмешливо расхохоталась. — Надо же, какое великодушие! А я не желаю принимать от тебя милости, убийца! И если ты мной брезгуешь, что ж, может твой грязный сброд будет поговорчивее!

И она пошла вдоль улицы, а Стив с какой-то внутренней болью и растерянностью смотрел ей

вслед.

— Ну, что же вы! — кричала Гера каждому встречному воину. — Берите меня, давайте!

Но воины, угрюмо и боязливо косясь на неподвижно застывшего в седле Стива, шарахались от неё, как от прокажённой.

«Что же я делаю?! — молнией пронеслось в голове у Стива. — Ведь я представлял всё это совсем не так!»

Впрочем, изменить уже ничего было нельзя, а потому Стив, понуро тронув лошадь, вернулся на прежнее своё место, подле Варкраба. В это время он заметил одного из дозорных, во весь опор мчавшегося сюда.

— Там всадники! — прохрипел запыхавшийся дозорный. — Направляются сюда!

Он замолчал, глядя на предводителя, но Стив тоже молчал.

— Много? — спросил Варкраб дозорного, когда молчание уже грозило затянуться до бесконечности. — Всадников много?

— Много, — сказал дозорный. — Раза в три больше, чем нас. А, может, и в четыре...

Варкраб присвистнул от удивления.

— Неужели у племени Совы осталось ещё так много воинов? А я-то думал, что после неудачного этого вашего набега...

— Всадники далеко? — перебивая своего

заместителя, спросил Стив у дозорного. — Или уже близко?

— Ты хочешь с ними сразиться? — обеспокоено поинтересовался Варкраб. — Не стоит, я думаю...

— А я и не собираюсь! — сказал Стив, и Варкраб облегчённо вздохнул. — Уходим!

— Уходим! — проревел что есть силы Варкраб. — Бросайте баб, укладывайте в тюки всё, что взяли! Уходим!

Воины собрались на удивление быстро и слаженно. Когда отряд уже выстраивался в походную колонну, на взмыленной лошади прискакал второй дозорный.

— Всадники уже близко, — доложил он. — Но там мало опытных воинов... в основном юноши и даже подростки...

— Так, может... — оживился, было, Варкраб. — Может, дадим им бой?

— Уходим! — сквозь зубы процедил Стив. — Я не собираюсь драться с детьми!

Варкраб, ничего на это не ответив, дал знак рукой, и колонна тронулась. В это время Стив совершенно случайно бросил взгляд в сторону привязанного к дереву жреца.

Хитрый жрец уже вполне пришёл в себя, но по-прежнему продолжал притворяться бесчувственным и беспомощным полутрупом. И

если бы Стив не бросил на него этого прощального своего взгляда, он бы так ничего и не заметил. Но взгляд был брошен, а, значит, жрецу крупно не повезло...

— Факел мне! — закричал Стив, дрожащим от ярости голосом. — Скорее!

Один из воинов, нагнувшись прямо с седла, подхватил один из лежащих на земле факелов. Они, эти факелы, ведь тоже предназначались Стиву. Первоначально...

И такие же факелы летели в то утро в дом его дяди...

Зажжённые...

— Зажечь!

Факел ярко вспыхнул и Стив, не взял даже, а, скорее, вырвал его из рук воина.

— Нет! — испуганно завопил жрец, поняв, наконец, что его уловки ни к чему не привели и притворяться и дальше бесчувственным просто глупо. — Не надо!

— За дядю! За тётю! За сестрёнок!

Очертив короткую пологую дугу, пылающий факел ударил первоначально в грудь жреца, и лишь потом, соскользнув, упал на сложенную поленницу. И одежда, и дрова, щедро политые маслом, вспыхнули почти одновременно. Дикий, животный вопль жреца на мгновение перекрыл и горестное рыдание женщин, и отборную ругань, всё ещё

доносящуюся со стороны связанных мужчин. Потом вопль этот прервался на полуслове... и Стив даже удивился той тишине, которая установилась вокруг. Замолчали женщины, умолкли мужчины — все с ужасом смотрели на яркое, бушующее пламя, поглощавшее бранные останки того, кто ещё несколько часов назад был полновластным властелином и повелителем всего селения. Воины Стива тоже были, ежели и не напуганы, то порядком-таки ошеломлены столь неожиданным поступком своего предводителя. А самому Стиву на какое-то короткое мгновение пришла вдруг в голову пугающая в своей обнажённости мысль о том, что всё то, что сотворил он только что в родном своём селении, он сотворил не сам по себе. Что во всём этом, несомненно, замешена та таинственная тварь, что проникла непонятно каким образом в его мозг, и поселилась там... и придала простому и вполне заурядному молодому воину новые, сверхъестественные даже способности. Эта была страшная мысль, но Стив тотчас же поспешил отогнать её от себя. Да нет же, всё это он проделал сам, по собственной своей воле! Он мстил за родных, мстил за единственных по-настоящему близких ему людей, которых у него так жестоко отняли! Он правильно наказал это подлое селение, бывшее своё селение... эти ублюдки заслужили всё это! А что касается «квартиранта», то последние

несколько недель непонятный этот сожитель никоим образом себя не проявлял — он даже не откликался на мысленные Стива к нему обращения. И, может, непонятная тварь эта, вообще, исчезла, покинув навсегда голову юноши? Навсегда, или, хотя бы, на время...

Впрочем, полной уверенности в этом у Стива не было, как не было и уверенности в том, что он поступил правильно, так жестоко наказав жителей родного селения, наказал всех огулом, не разбирая, кто прав, кто виноват.

— Стив! — как бы в ответ на невесёлые эти раздумья, услышал он чей-то пронзительный возглас позади себя. — Стив, ты слышишь меня?!

Обернувшись, Стив понял, что возглас доносится со стороны всё ещё лежащих связанными мужчин.

— Стив, это я, Глен! Ты слышишь меня?!

— Я слышу тебя, Глен! — крикнул Стив, тщетно выискивая глазами своего бывшего друга, но так и не найдя его в общей человеческой куче мала. — Что ты хотел сказать мне напоследок?

— Зря ты оставил меня в живых, Стив! — ещё громче и ещё пронзительнее прокричал Глен, чуть приподнимаясь на скрученных локтях, и Стив, наконец-таки, смог детально разглядеть его перекошенное гневом и отчаяньем лицо, его глаза, полные муки и самой жгучей ненависти. — Я ведь

буду мстить тебе, отщепенец! Я всю свою жизнь посвящу этому мщению!

— Убить? — негромко спросил Варкраб Стива.

— Нет! — Стив вдруг вздохнул и, что больше за всё поразила Варкраба, широко, хоть и невесело улыбнулся. — Пускай мстит! Это ведь его право!

И он первым пустил лошадь в галоп. И весь отряд тут же последовал его примеру. Они исчезли так же внезапно, как и появились, исчезли, словно волшебным образом растворились в пространстве.

Бросившиеся в погоню воины, и те, подоспевшие со стороны, и все освободившиеся от пут мужчины селения со странным названием Гремучий лог... все они так и не смогли определить даже, в каком таком направлении вести эту самую погоню.

И они уныло повернули назад, к разграбленным своим жилищам, к обесчещенным, рыдающим своим жёнам и дочерям.

И всё, что оставалось им делать — это проклинать, ненавидеть и.... надеяться...

Надеяться на скорое отмщение...

Глава 1

Гэл

В районе предгорий, на этой пограничной

территории между людскими поселениями и таинственной, непонятной цивилизацией горных гномов, испокон веку никто не жил. Для земледелия и животноводства, основных занятий населения долины, местность эта была излишне суровой и капризной, а значит, малопродуктивной. Горные гномы тоже не селились в этих местах, но уже по совершенно иной причине. Полезных ископаемых тут было маловато, сама же местность являлась излишне открытой и слишком доступной для возможных человеческих набегов.

Впрочем, небольшие поселения гномов, так называемые, фактории, здесь всё же имелись, но это было раньше, в те, относительно недавние ещё времена, когда между людьми и гномами велась торговля. Гномы-торговцы использовали эти фактории как перевалочные пункты, во время своих продолжительных экспедиций в долину или на пути обратно в горы. Впрочем, и сами люди из близлежащих селений тоже охотно навещали фактории гномов с целью, как можно дешевле приобрести тут необходимые им товары: орудия труда, вооружение, разнообразные украшения и предметы роскоши.

Но всё это уже осталось в прошлом. Без всякого объяснения гномы вдруг прекратили все торговые сношения с людьми: караваны с товарами перестали спускаться с гор, все фактории были

почти одновременно покинуты гномами и сожжены. И хоть никаких боевых действий между людьми и гномами пока не велось, всё шло к этому. И это было ещё одной причиной для того, чтобы без крайней на то необходимости в эти опасные места не соваться. Ни гномам, ни, тем более, людям.

Тем не менее, Гэл вот уже с самого утра никак не мог избавиться от неприятного ощущения, что за ним внимательно и неотрывно наблюдают. Это ощущение то усиливалось, то ослабевало, но никак не исчезало полностью. Кем был таинственный наблюдатель (или наблюдатели), этого Гэл не знал, как не знал и его (их?) будущих намерений относительно собственной своей персоны.

Так что, следовало держаться настороже.

Гэл и был настороже. Арбалет его, тщательно осмотренный и заряженный, находился всегда под рукой, но полной безопасности это, разумеется, не давало. Тем более что у таинственного наблюдателя (наблюдателей?) тоже мог иметься арбалет и даже не один.

Тягостно вздохнув, Гэл бросил внимательный взгляд на солнце, уже почти скатившееся к тёмной далёкой полоске на горизонте. Именно так, скромно и вполне безобидно выглядел отсюда, с возвышенности, страшный Чёрный лес. С возвышенности хорошо просматривалась и

огромная плодородная долина, уходящая вправо и влево, казалось бы, в самую бесконечность. Но Гэл хорошо знал, что и справа, и слева отсюда долина эта постепенно начинала суживаться, а потом высокие Северные скалы, что возвышались сейчас прямо за спиной Гэла, и таинственный Чёрный лес, темневший узенькой полоской на горизонте, смыкались между собой, служа естественной границей и самой долине, и человеческому проживанию на ней. Это и был весь мир, известный Гэлу... что же находилась там, за пределами долины, этого Гэл не знал, как не знал этого никто из жителей долины. Даже жрецы, которые самодовольно делали вид, что им известно всё на свете, даже они этого не знали. Возможно, какой-то информацией владели горные гномы, хотя бы о том, что находится за бесконечными этими горными хребтами... а может, и гномы тоже ничего об этом не ведали...

Оторвавшись, наконец, от бесцельного созерцания окрестностей, Гэл вернулся к занятиям более будничным и необходимым. Острым боевым топориком он довольно быстро заготовил необходимый для ночлега запас топлива, благо, сухих поваленных деревьев вокруг было в избытке. Потом он развёл костёр, не очень большой, но вполне достаточный для того, чтобы освежеванная чуть ранее тушка горной антилопы хорошо

прожарилась на вертеле.

Горная антилопа, несмотря на скромные свои размеры — чрезмерная порция для одного-единственного воина, каким бы знаменитым едоком он не был. Потребности в еде у Гэла были самые скромные, но запас, как говорится, беды не чинит. Не каждый раз бывает такая вот охотничья удача, ну, а хорошо прожаренное на костре мясо сохраняется гораздо дольше сырого.

Меж тем, солнце уже успело коснуться румяным своим боком далёкого леса на горизонте. Для жителей долины солнце уже давно зашло, там царили самые настоящие сумерки, но тут, на возвышенности, день длился чуть дольше. Что ж, хоть одно преимущество имелось у суровой и бесплодной этой местности...

Разводя костёр, Гэл мог не опасаться, что отблеск его пламени привлечёт хоть чьё-то внимание. Будучи человеком опытным и бывалым, он выбрал для костра хорошо защищённое место: в небольшой расщелине, спрятанной между двумя скальными выступами. Тут было удобно ещё и потому, что ветра в расщелине не ощущалось совершенно и тепло костра не улетучивалось бесследно и бесполезно в окружающее пространство, а, отражаясь от почти вертикальных и на удивление гладких каменных стен, частично возвращалось назад, к костру, чуть согревая, таким

образом, окружающий воздух. Единственным недостатком уютной этой расщелины, но недостатком существенным, был ограниченный обзор окружающей местности, а значит, сюда можно было пробраться (и довольно близко) совершенно незамеченным.

Или почти незамеченным...

Где-то, неподалёку от расщелины, слабо хрустнула ветка. Звук этот, еле различимый на фоне куда более громкого потрескивания костра, всё же привлёк внимание Гэла, хоть чисто внешне это никак на нём не отразилось. Бывалый воин продолжал сидеть тихо и неподвижно, не меняя положения, не шелохнувшись даже, хоть правая рука его, сдвинувшись чуть в сторону, уверенно и надёжно легла на тёмное, отполированное временем дерево арбалетного приклада. Впрочем, больше ничего такого подозрительного Гэл так и не услышал.

Вполне возможно, что тревога была ложной: ветка могла хрустнуть под ногой какого-либо проходящего мимо животного... но так же вероятно, что это был человек...

Или гном...

Ни тот, ни другой вариант не сулил Гэлу ничего хорошего.

Осторожно поднявшись, Гэл, не выпуская арбалета, бесшумной тенью выскользнул из

расщелины и, прижимаясь к скале, стал медленно продвигаться по направлению к насторожившему его звуку. Уже почти совсем стемнело, но видимость была ещё довольно сносной, и Гэл успел разглядеть впереди чей-то тёмный силуэт, испуганно метнувшийся прочь. Силуэт, скорее, принадлежал человеку, нежели гному, во всяком случае, это был кто-то с вполне человеческими пропорциями тела...

Это ли существо следило весь сегодняшний день за Гэлом, одно оно было или их тут несколько — этого Гэл, разумеется, не знал. Но это обязательно следовало проверить, и совершить сие нужно было безотлагательно.

Бесшумно ступая, Гэл двинулся вслед за незнакомцем, двигаясь, впрочем, из предосторожности, не прямо за ним, а чуть стороной. Пологий горный склон тут заметно начинал приподниматься вверх, но идти было легко.

Впереди вновь хрустнула ветка, из чего Гэл предположил, что человек (существо?), которого он преследует, не привык двигаться совершенно бесшумно, тем более, в сумерках. Потом в той же стороне послышался негромкий стук камней, сдвинутых с места чьей-то неосторожной ногой...

Хорошо присмотревшись, Гэл различил впереди себя что-то чёрное и округлое. Скорее

всего, это был вход в пещеру или, скорее, в некое подобие небольшой пещерки.

Тот, кого он преследовал, находился сейчас там, внутри, в этом Гэл был совершенно уверен. Вот только самому соваться туда было бы не только несколько опрометчиво, но и по-настоящему опасно. Да и глупо, к тому же...

— Кто здесь?! — вполголоса выкрикнул Гэл, приблизившись вплотную и чуть сбоку к чёрному отверстию в скале и, одновременно, внимательно за этим отверстием наблюдая. — Выходи!

Ответа не последовало, и, конечно же, из отверстия в скале никто не вышел, это было бы слишком просто. Но Гэл уже твёрдо знал, что не ошибся: тот, кого он преследовал, затаился сейчас там, в тёмной глубине пещеры.

— Выходи! — повторил Гэл, чуть приподнимая арбалет. — Выходи или я буду стрелять!

Угроза эта могла подействовать лишь в том случае, если незнакомец его понял. Ещё пещёра эта могла тянуться бесконечно долго вглубь скалы, у неё также могли иметься боковые ответвления или углубления... так что шансы на то, что угроза подействует, были крайне невелики. Вернее, их почти и не было...

Но, то ли пещерка эта и в самом деле была всего лишь небольшим углублением в твёрдой

скальной породе, то ли ещё по какой причине, но внутри пещеры послышался вдруг слабый шорох... потом чуткое ухо Гэла уловила звук быстро приближающихся шагов.

— Выходи! — повторил Гэл, поднимая арбалет и прицеливаясь. — И без глупостей!

— Не стреляй! — послышался в ответ испуганный женский возглас. — Я выхожу!

Услышав это, Гэл тут же сделал шаг назад и чуть в сторону, но арбалет пока так и не опустил. Мелькнула вдруг запоздалая мысль, что зря он всё-таки не зарядил его стрелой с серебряным наконечником, но сожалеть об этом было слишком поздно. На перезарядку времени у Гэла уже не оставалось.

А из пещеры тем временем и в самом деле вышла женщина. Лицо её было почти неразличимо в плотно сгустившихся сумерках, но у Гэла возникло вдруг невольное ощущение, что женщина эта ещё очень молода. Фигуру её разглядеть было тем более невозможно из-за какого-то плотного покрывала, в который женщина была укутана с ног до головы. В правой руке она крепко сжимала внушительного размера кинжал, никакого другого оружия у незнакомки, судя по всему, не было.

— Опустит арбалет! — сказала женщина, останавливаясь у самого входа. — Ты же видишь, что я не представляю для тебя никакой опасности.

— Надеюсь на это... — пробормотал Гэл, медленно опуская арбалет. — Но если бы ты ещё сунула свой ножичек обратно в ножны, я бы тебе скорее поверил...

— Это не ножичек! — немного обиженно отозвалась женщина. — Это боевой кинжал!

— Тем более! — сказал Гэл, вновь чуть приподнимая ствол арбалета. — Итак, или ты сейчас же прячешь свой кинжал в ножны, или я стреляю!

Женщина повиновалась. Она сунула кинжал в ножны, висевшие на кожаном поясе, и, демонстрируя пустые руки, внимательно посмотрела на Гэла.

— Ты боишься умереть, воин? — с какой-то даже насмешкой спросила она. — Вот уж никогда бы не подумала!

— Я боюсь умереть глупой смертью! — сказал Гэл. — Тем более, от руки женщины...

Он замолчал, женщина тоже стояла молча и, казалось, к чему-то прислушивалась. А, может, и не прислушивалась, может, она просто стояла молча.

— Ты тут один? — внезапно спросила женщина. — Впрочем, можешь не отвечать! Я знаю, что ты один, я наблюдала за тобой сегодня. Только, может, ты кого-то ждёшь?

— Я никого не жду, — сказал Гэл, внимательно взглядываясь в женщину. — А как

насчёт тебя?

— Я тоже никого не жду! — женщина сделала шаг в сторону Гэла и вновь остановилась. — А ещё я озябла и очень хочу есть! Ещё вопросы будут?

— Нет!

Гэл повернулся и пошёл вниз, в сторону костра. Поворачиваться спиной к незнакомой женщине (да и женщине ли?) было довольно опрометчиво... Впрочем, Гэлу до смерти надоело шараться от малейшего даже шороха и в каждом встречном подозревать наёмного убийцу. Почему-то он был совершенно уверен, что метать ему нож в спину женщина не будет, да и не умеет она метать ножи, скорее всего...

Отойдя с какой-то десятков шагов, Гэл обернулся. Тёмный силуэт женщины виднелся на прежнем месте, хоть она, скорее всего, пристально смотрела сейчас ему вслед.

— Если ты ждёшь особого приглашения, — сказал Гэл сухо, — то учти — приглашения не будет! Но если ты и в самом деле озябла, то ты знаешь, где найти то, чего тебе так сейчас не хватает: тепло костра. Поешь, кстати, там тоже найдётся.

Он вернулся к костру, уселся на прежнее своё место и принялся ждать. Ждать, впрочем, пришлось совсем недолго...

— Садись! — сказал Гэл, кивком головы

указывая на противоположную от себя сторону костра. — Будь как дома.

Арбалет, впрочем, он предусмотрительно положил подле себя с правой стороны.

Наверное, женщина и в самом деле очень озябла. Некоторое время она лишь молча сидела подле костра, с наслаждением ощущая на себе его живительное тепло. Потом, немного поколебавшись, вновь вытащила из ножен кинжал.

— Я отрежу кусочек? — почти умоляюще проговорила она, указывая на аппетитно пахнущую тушку на вертеле. — Можно?

Гэл лишь молча кивнул головой.

Женщина довольно неумело отполосовала от тушки большущий кус мяса и тут же, не дожидаясь даже, пока мясо остынет, жадно впилась в него зубами.

— Ну, как? — спросил Гэл. — Вкусно?

Женщина, не переставая жевать, лишь молча и благодарно кивнула.

— Соли нет, жалко! — вздохнув, добавил Гэл. — Была бы хоть щепотка...

— И так сойдёт!

Теперь, при свете костра, Гэл смог уже куда более детально рассмотреть свою гостью. Молодая, слишком даже молодая... скорее девушка, чем женщина. И красивая, несмотря на грязь и копоть, глубоко и прочно въевшиеся в обветренную кожу

её юного, полудетского ещё личика. Почему она здесь, в безлюдных гиблых этих местах? Прячется от преследователей, или, наоборот, сама преследует кого-то? Впрочем, вряд ли... не очень то она похожа на преследователя...

А вот на преследуемую девушка очень даже похожа. И одна ли она здесь, в самом деле, как уверяла?

А что, если это всё же оборотень?!

От одной этой мысли Гэлу стало вдруг как-то не по себе. Да нет же — принялся мысленно успокаивать он себя — девушка эта никак не может быть оборотнем! Оборотни, даже в обманном человеческом обличье не терпят никакой одежды... да и нож в руке оборотня, это явный уж перебор...

Впрочем, не так и много известно людям об оборотнях, чтобы утверждать такое наверняка. Да и сведения все эти почерпнуты лишь из печальных примеров столкновения людей с оборотнями в таинственных и бесконечных дебрях Чёрного леса. Кто знает, может быть тут, в узких ущельях предгорья, оборотни ведут себя совершенно иначе?

И так же может быть, что тут, у самого подножия Северных скал, вообще, никакие оборотни не водятся...

Очнувшись от невесёлых своих размышлений, Гэл поднял голову и обнаружил, что девушка внимательно, хоть и исподлобья за ним наблюдает.

Встретившись с Гэлом взглядом, она почему-то смутилась и быстро опустила глаза.

— Как тебя зовут? — спросил Гэл, хоть, по правде, это было ему совершенно даже безразлично. Но нельзя же всё время сидеть и играть в молчанку.

Услышав его вопрос, девушка вздрогнула и, вновь посмотрела на Гэла, молча и, как ему показалось, с каким-то непонятым даже упрёком.

— Ну, чего смотришь? — сказал Гэл. — Имя у тебя есть хоть какое?

— Зачем тебе моё имя? — хрипло и насторожено проговорила девушка, продолжая в упор разглядывать Гэла.

Гэл задумчиво пожал плечами.

— Вообще-то, мне наплевать, как тебя там дома папа с мамой называли! — сказал он довольно резко. — Но должен же я хоть как-то к тебе обращаться, пока мы тут мило беседуем...

— А мы и не беседуем вовсе! — ещё более резко отозвалась девушка. — И, тем более, не мило! Я поем, посижу тут немного у костра и тотчас же уйду!

— Ну и проваливай! — проворчал Гэл, осторожно поворачивая вертел. — И скатертью дорожка, как говорится!

Девушка ничего на это не ответила. Она вновь принялась за еду, а Гэл, даже не глядя в её сторону,

осторожно подбросил в огонь небольшую порцию свежего топлива.

— А ты не очень то и любезен! — как бы мимоходом заметила девушка.

Ничего ей на это не отвечая, Гэл лишь молча продолжал наблюдать, как набросился огонь на свежую добычу, как жадно принялся её пожирать...

— Ты что, не хочешь со мной даже разговаривать?

— Я любезен лишь с теми, кто этого заслуживает! — буркнул Гэл. — И разговариваю только с теми из них, кто сам желает вести со мной разговор! У тебя, как я понял, такого желания не наблюдается!

— Какой ты понятливый! — девушка хмыкнула. — И с чего взял, что я не желаю с тобой разговаривать?

— Ну... — Гэл пожал плечами. — Ты же не соизволила сказать мне своё имя, когда я тебя об этом спросил. Скажи тогда, от кого ты тут скрываешься? Или это тоже секрет?

— Ты не мой мужчина, чтобы я тебе рассказывала обо всём этом! — немедленно огрызнулась девушка. — Не надо быть таким любопытным!

— Вот уж чем не страдаю!

Гэл привстал, аккуратно снял с деревянных рогулек вертел и, положив его около себя на

широкие листья лопуха, принялся нарезать ножом тонкие мясные ломти. Тут только девушка заметила, наконец, что у собеседника вместо кисти левой руки блестящий стальной трезубец...

— Ты где потерял руку? — как ни в чём не бывало, спросила она. — В набеге?

— Ты не моя женщина, чтобы я рассказывал тебе об этом! — в тон ей ответил Гэл. — Не надо быть такой любопытной!

— Подумаешь, какой обидчивый! — девушка насмешливо фыркнула. — Да мне совсем даже не интересно, где ты потерял свою руку!

— Мне тоже! — Гэл вздохнул и, наконец-таки, принялся за еду. — Тем более, что руку этим не вернуть, так что...

Он замолчал, не договорив, и некоторое время они так и сидели молча. Гэл с отсутствующим видом жевал мясо, девушка исподтишка за ним наблюдала.

— Можно, я переночую тут, у костра? — произнесла она почти умоляюще. — Там слишком холодно. И страшно...

— Где это, там? — спросил Гэл, не переставая жевать. — В той крохотной пещерке?

Девушка ничего не ответила.

— Ночуй! — сказал Гэл, бросая начисто обглоданную кость в костёр. — Вдвоём, оно всё же веселее как-то...

— Вдвоём?!

Подозрительно покосившись на однорукого воина, девушка вздрогнула и как бы невзначай поправила нож на поясе.

— Ты об этом даже не мечтай! — сказала она вздрагивающим каким-то голосом. — Понял?! Даже не мечтай об этом!

— О чём, об этом? — Гэл недоуменно уставился на девушку, потом до него, наконец, дошло. — Ах, вот ты о чём?!

— Да, вот я о чём! — девушка вызывающе уставилась на Гэла. — И не говори, что ты об этом сейчас не подумал!

— Размечталась! — Гэл насмешливо хмыкнул. — Ещё думать о тебе, много чести...

— Что?! Да как же ты...

Девушка оскорблено вскочила с места. Некоторое время она стояла неподвижно и лишь молча сверлила Гэла сердитым взором, чего Гэл, вновь принявшись за еду, кажется, даже не заметил.

— Ты хочешь, чтобы я ушла? — сердито осведомилась девушка.

— Да как пожелаешь! — невозмутимо ответил Гэл, с хрустом вгрызаясь в тонкие, хрящеватые рёбрышки антилопы и перемалывая их вместе с мясом крепкими зубами. — Хочешь — уходи, хочешь — оставайся! Как-то мне всё равно, знаешь...

— Как же, всё равно! — девушка продолжала недоверчиво смотреть на Гэла. — Знаю я вас!

— Ну, тогда ты знаешь обо мне больше, чем я сам, — Гэл вздохнул, выбросил в костёр дочиста обглоданные кости. — Слушай, или садись или уходи! Не стой над душой!

Немного поколебавшись, девушка вновь опустилась на прежнее своё место. И вновь принялась молча, исподтишка, наблюдать за Гэлом.

— Станный ты какой-то, — задумчиво произнесла она. — Не такой, как другие...

— Ты тоже странная! — сказал Гэл, вытирая руки о край плаща. — Но я же не сверлю тебя взглядом. Кстати, если тебе некуда смотреть — смотри на огонь, это успокаивает...

— Тоже мне, советчик! — презрительно фыркнула девушка, но взгляд всё же отвела и, как бы послушавшись дельного совета, принялась внимательно и сосредоточенно смотреть на пляшущее пламя костра.

Прошло ещё некоторое время, и прошло оно, это время, в полном и обоюдном молчании.

— Ты ведь из племени Совы? — неожиданно и как бы невзначай спросил Гэл, и сразу же заметил, как дрогнуло и напряглось лицо девушки. — Впрочем, можешь не отвечать, я и так это вижу.

— Я уже не из племени Совы, — тихо и

как-то тоскливо произнесла девушка. — Я — изгой...

— Я тоже! — сказал Гэл, подбрасывая в костёр несколько новых поленьев. — И я тоже из племени Совы...

— А из какого селения? — с каким-то жадным любопытством поинтересовалась девушка. — Ясно, что не из нашего, иначе бы я о тебе слышала...

— Вряд ли ты бы слышала обо мне, — сказал Гэл равнодушно и принялся помешивать в костре длинной палкой. — Мне уже почти сорок, а изгоем я стал, считай, в твоём возрасте. Тебе сколько сейчас, семнадцать?

— Мне уже восемнадцать! — громко, с каким-то даже вызовом произнесла девушка, потом она помолчала немного и добавила уже значительно тише: — Скоро будет...

— Вот я и говорю... — Гэл отложил палку в сторону, внимательно посмотрел на девушку. — Выходит, я стал изгоем ещё до твоего рождения...

— Но ты всё равно не из наших... — задумчиво произнесла девушка, в свою очередь внимательно рассматривая однорукого воина. — Я — первый изгой из нашего селения, вернее, второй! Первым был...

Вздрогнув всем телом, она замолчала, так и не закончив фразы.

— Не будем о грустном, — сказал Гэл.

— Нет, будем!

Слова эти девушка почти выкрикнула.

— Хочешь, я расскажу тебе, как я стала изгоем?! Хочешь?

— Хочу, — осторожно проговорил Гэл, стараясь не встречаться при этом с девушкой взглядом, ибо затравленный взгляд её был переполнен сейчас ещё и какой-то внутренней болью и отчаянием. — Но если тебе это тяжело — можешь не рассказывать.

— А, может, мне станет легче, если я расскажу тебе об этом? — тихо и как-то тоскливо произнесла девушка, опустив, наконец, глаза. — Я ведь никому ещё ничего этого не рассказывала. Возможно, потому мне так тяжело...

— Тогда говори, — сказал Гэл, по-прежнему не глядя на неё. — Кто знает, может ты и права...

Он вновь подбросил в костёр очередную порцию топлива и приготовился слушать, но девушка молчала.

— Ты ведь из Гремучего лога, так?

Вздрагнув как от удара, девушка вновь вскочила на ноги.

— Откуда ты знаешь? — гневно и звонко выкрикнула она. — Или ты... ты, может... может, ты тоже был тогда с ним... с ними?

— Я не был с ними тогда, — сказал Гэл негромко. — Так что можешь успокоиться и сесть!

Но я знаю обо всём, что тогда там произошло...

— Знаешь?

— Знаю! — повторил Гэл. — Так что, начальную часть повествования можешь просто опустить. И лучше бы тебе сесть, не люблю, понимаешь, когда напротив меня кто-то стоит, а я в это время сижу...

Девушка вновь опустилась на землю и, подобрав подле костра несколько разноцветных камешков, принялась бесцельно и беспорядочно перебирать их в тонких своих пальцах.

— Ничего ты не знаешь! — проговорила она, оставив, наконец, камешки в покое. — Ты знаешь только то, что тебе рассказали! А я... я там была!

Последние слова она вновь почти выкрикнула.

— Не надо кричать, — предостерегающе сказал Гэл. — Особенно в горах, тут далеко слышно.

— Я знаю, — тихо отозвалась девушка. — Извини!

Некоторое время они сидели молча, и лишь негромкое потрескивание костра оживляло немного давящую эту тишину.

— Я знаю, что всех женщин тогда... — Гэл замолчал, не договорив. — Ну, я имею в виду, всех молодых и красивых...

— И некрасивых тоже! — проговорила девушка со странным каким-то смешком. —

Красивых бы на всех не хватило...

— Ты красивая, — неожиданно даже для себя самого произнёс Гэл и, немного помолчав, добавил: — Значит, и тебя тоже?

— Нет! — совершенно позабыв о предостережении Гэла, вновь во весь голос выкрикнула девушка. — В том то и дело, что нет! Этот убийца, этот предатель своего племени ... он не разрешил никому из них даже прикоснуться ко мне!

Гэл понял, что девушка говорит о Стиве.

— Почему он запретил им тебя трогать? — спросил он, вновь стараясь при этом не встречаться с девушкой взглядом. — Он оставил тебя для себя?

— Нет! — вновь выкрикнула девушка. — Он просто приказал им не трогать меня! Одну из всех!

Замолчав, девушка вдруг судорожно всхлипнула, прижала к груди маленькие грязные кулачки.

— За что он так поступил со мной?! — прошептала она с отчаяньем. — Что я ему такого сделала... скажи, что?!

— Ты жалеешь о том, что никто из них не тронул тебя? — Гэл с искренним удивлением уставился в измученное, перекошенное страданием лицо девушки. — Ты об этом жалеешь?!

— Да! — крикнула девушка, глядя Гэлу прямо в лицо. — Да, я жалею об этом! А знаешь, почему?!

— Догадываюсь, — пробормотал Гэл, опуская глаза. — Все женщины селения возненавидели тебя за это...

— Не только женщины!

Девушка плакала... не плакала даже, просто, слёзы сами бежали у неё из глаз тонкими струйками, бежали почти непрерывно и оставляли на чумазом девичьем личике две хорошо заметные светлые полосы.

— Разве это я виновата в том, что произошло с семьёй его дяди?! — с каким-то отчаяньем прошептала она, уставившись в костёр тоскливым, невидящим взглядом. — Разве я виновата в этом больше других?

— Ну, может, он просто не хотел причинять тебе боль...

По какому-то негласному взаимному уговору они оба не упоминали имени Стива.

— Может, он хотел сделать как лучше. Для тебя, я имею в виду...

— Как лучше?! — девушка даже задохнулась от негодования. — Этот предатель, этот грязный убийца... он хотел, как лучше?!

— Кого он убил? — перебив вдруг девушку, спросил Гэл.

— Он убил нашего лучшего воина! Он снёс ему голову мечом!

— Он напал на него предательски, со

спины? — снова спросил Гэл. — А, может, вашего воина перед этим связали?

— Нет, — нехотя призналась девушка. — Был поединок и вот...

— Тогда это не убийство, — сказал Гэл.

— Ты так считаешь? — с возмущением произнесла девушка. — Ну, пусть так, пусть это произошло в честном бою! Но ведь жреца он просто сжёг! Связанного и беспомощного!

— А незадолго перед тем жрец хотел сжечь его самого, — напомнил Гэл. — И сжёг бы, будь у него такая возможность. Связанного и беспомощного...

— Ты, что, оправдываешь его?! — от гнева и возмущения девушка даже плакать забыла. Глаза её, ещё недавно полные слёз, полыхали теперь самым праведным гневом. — Ты пытаешься оправдать этого предателя, этого убийцу, этого... этого...

Как видно, не найдя больше подходящих эпитетов, девушка наконец-таки замолчала. Гэл тоже молчал и ждал продолжения.

— Как можно даже сравнивать праведные деяния жреца, освящённые Высоким Небом, с нечестивыми поступками отвергнутого племени отщепенца?! — проговорила вдруг девушка, не совсем, правда, уверенно.

— Мы с тобой тоже отщепенцы, отвергнутые

племенем, — напомнил ей Гэл. — Да, кстати, ты так и не рассказала мне, из-за чего тебя прокляли. Ведь не за то только, что тебя возненавидели односельчане?

Девушка ничего не ответила. Уставившись остановившимся взглядом в почти догоревшие угли костра, она вновь погрузилась в какие-то свои невесёлые мысли.

Гэл ей не мешал. Он подбросил в костёр очередную порцию топлива, и тоже принялся думать о своём, наболевшем. Одновременно с этим он внимательно наблюдал за бешеной пляской оранжевых языков пламени, жадно пожирающих свежую добычу. Потом девушка тихонько пошевелилась, и Гэл, почти позабывший за это время о самом её существовании, вновь перевёл взгляд на неё.

— И всё же, за что тебя изгнали? — негромко спросил он. — Ведь не за это же?

Девушка как-то судорожно вздохнула.

— Меня никто не изгонял, — тихо проговорила она. — Я сама ушла. Вернее, убежала.

— Почему?

Девушка ничего не ответила.

— Ведь была же какая-то причина?

— Была! — девушка резко, с каким даже вызовом вскинула голову. — Понимаешь, они все меня ненавидели, но не трогали, пока... пока был

жив отец. Потом он умер...

— Отчего он умер? — спросил Гэл, по-прежнему не сводя с девушки пристального взгляда. — Он что, был ранен тогда?

— Нет! — большие глаза девушки вновь наполнились слезами. — Он просто не вынес всего этого... просто не смог этого вынести...

— Того, что тебя так ненавидят?

— Нет, дело совсем не в этом, — тихо, еле слышно проговорила девушка. — Вернее, не только в этом. Просто он был одним из тех, кто, следуя указанию жреца, пошёл тогда в дом его дяди, и...

Девушка замолчала, не договорив, но и без этого Гэл всё понял.

— Указание жреца ещё не приказ! — довольно резко произнёс он. — И твоему отцу вовсе не обязательно было следовать этому указанию, если только он сам...

Тут уже, не закончив фразы, замолчал сам Гэл.

— Он не хотел идти туда, как те, другие! — с болью и гневом выкрикнула девушка, правильно уразумев всё то, что хотел сказать, да так и не сказал её собеседник. — Он и там ничего такого не делал, просто пошёл, понимаешь?!

— Просто пошёл... — задумчиво повторил Гэл. — Как часто мы идём туда, куда не хотим идти, и как часто мы делаем то, чего не желаем

делать...

— Ты это к чему? — гневно осведомилась девушка. — За что ты осуждаешь моего отца?

— Да никого я не осуждаю! — устало проговорил Гэл. — И хватит об этом! Итак, мы остановились на том, что до смерти твоего отца тебя ненавидели, но не трогали. А что случилось потом?

Девушка ответила не сразу. Некоторое время она лишь молча и сосредоточенно всматривалась в мерцающие угли костра.

— Впрочем, можешь ничего больше не рассказывать, — сказал Гэл. — Если тебе тяжело...

— Они заявили ко мне поздно вечером... — девушка вновь вскинула голову, в глазах её теперь сверкала одна лишь ненависть, и ничего кроме ненависти там не было. — Ещё и суток не прошло после погребального костра, а они...

— Женщины? — спросил Гэл.

— Мужчины! Пятеро или шестеро, не помню точно. Они заявили мне, что должны проделать со мной то, чего я избежала в тот страшный день. И что тогда я стану такой же, как все остальные, и никто ни в чём меня уже не упрекнёт...

— И что было дальше? — спросил Гэл, так как девушка вновь замолчала. — Ты согласилась?

— А моего согласия никто и не спрашивал! — девушка засмеялась вдруг сухим, злым смехом. —

Просто они бросили жребий, и тот, на кого он выпал, потащил меня в спальню. Остальные же, усевшись за стол, принялись пить вино и играть в кости, в ожидании своей очереди...

Девушка в очередной раз замолчала, и Гэл тоже молчал, ожидая продолжения и в то же самое время, почему-то, страшась услышать его, это продолжение...

Впрочем, продолжение это оказалось совсем не тем, чего он так страшился услышать.

— Они так и не дождались своей очереди! — с каким-то мрачным даже торжеством произнесла девушка. — Я убила того, первого, его же собственным ножом! Вот этим самым!

Девушка выхватила из ножен кинжал и некоторое время так и сидела, держа его в крепко сжатом кулачке.

— Спрячь! — строго сказал, приказал даже Гэл. — И никогда не вытаскивай кинжал просто так! Не привлекай духов смерти!

— Суеверие! — презрительно бросила девушка, но кинжал всё же спрятала.

— Вот так я оказалась здесь! — проговорила она некоторое время спустя. — А ты?

— Что я? — не совсем понял Гэл.

— Ты-то, почему здесь? От кого прячешься?

— Ни от кого.

— Так я тебе и поверила!

— Скажи, — спросил Гэл, меня тему разговора, вернее, вновь направляя его в прежнее русло. — Ты убежала сразу, после того, как убила его?

— Да! — кивнула головой девушка. — Те, остальные, пьяно шумели и ничего не расслышали. А я завернулась в это покрывало, одеваться было некогда... да и не во что, эта скотина изорвала всю мою одежду в клочья, раздевая меня. Потом я сняла с убитого пояс с ножнами и выбралась через окно наружу. Было уже темно... я долго бежала, очень долго, всю ночь. Утром я спряталась в зарослях кустарника, просидела там до вечера, потом пошла дальше...

— Понятно, — сказал Гэл. — Ну и сколько же времени ты здесь прячешься?

— Сколько времени?

Девушка задумалась, что-то подсчитывая в уме.

— Неделю, наверное... Или две. Не помню точно. А что?

— Ничего.

Гэл встал, и девушка вновь насторожено положила руку на костяную рукоятку ножа.

— Я буду спать тут! — Гэл указал трезубцем левой руки на плоское углубление в скале. — Понятно?

— А я?

Девушка смотрела на однорукого воина с тревогой и, одновременно, во взгляде её было ещё что-то, странное какое-то выражение, надежда какая-то, что ли...

— Где мне спать?

— Да где пожелаешь!

Гэл неопределённо провёл рукой по воздуху.

— Можешь лечь здесь. Или вот здесь, ещё удобнее. Только советую для начала наломать побольше молодых веток горного кипариса. Его тут много вокруг, а спать на нём одно удовольствие.

Девушка разумному совету не вняла. Нахохлившись и как можно плотнее завернувшись в безобразное своё одеяние, она лишь молча продолжала сидеть у костра, исподтишка наблюдая за тем, как Гэл готовит себе удобную постель.

А постель и в самом деле получилась знатная. Гэл не пожалел ни времени, ни сил, натаскав столько кипарисовых веток, что хватило бы и для нескольких лежанок поскромнее. Сверху, на мягкие пахучие эти ветки, Гэл расстелил свой поношенный плащ. Проделав всё это, он искоса посмотрел в сторону девушки.

— Ну что, так и будешь всю ночь сидеть у костра?

Девушка ничего не ответила.

— Ну, как знаешь!

— А можно, я лягу рядом с тобой? — робким,

просительным каким-то тоном, так не похожим на прежний её задиристый тон, спросила вдруг девушка. — Можно?

Гэл ничего не ответил. А девушка, встав, расстегнула пояс с кинжалом и бросила его себе под ноги. И почти сразу же там оказалось покрывало.

Больше на девушке ничего не было, и Гэл вновь ощутил, ежели и не страх, то, по крайней мере, определённое беспокойство. Он знал, что оборотни не носят одежды, но ведь покрывало, это не совсем ещё одежда. И что, если...

Глупости, попробовал успокоить себя Гэл. Она просто убежала сразу же после убийства, убежала, закутавшись в одно лишь покрывало, у неё просто не было времени подыскивать что-либо более подходящее. К тому же, она так хорошо помнит своё недавнее прошлое...

Тут Гэлу припомнилось вдруг то, что рассказывал ему Стив о своей встрече с девушкой-оборотнем в Чёрном лесу, о том, что девушка эта вовсе не пустая, ничего не помнящая оболочка, как многие полагают...

— Ты разрешишь мне лечь рядом с тобой?

Теперь голос девушки звучал жалобно и как-то совсем даже по-детски.

— Я позволю тебе делать со мной всё, что ты пожелаешь! Я и вправду буду очень послушной,

обещаю!

Вместо ответа Гэл вновь подошёл к костру и оказался при этом совсем недалеко от девушки. Она невольно вздрогнула при его приближении, но Гэл, пройдя мимо, наклонился, поднял покрывало девушки и вновь воротился назад. Сорвав с кипарисовых веток свой плащ, он аккуратно уложил на его место покрывало, расправил его правой рукой.

— Иди сюда! — сказал он, не поворачиваясь даже в сторону девушки. — Быстрее!

Девушка послушно подошла.

— Ложись! — по-прежнему не глядя на девушку, сказал Гэл.

Девушка легла. Мельком взглянув в её сторону, Гэл увидел, что глаза у девушки крепко зажмурены, а нижняя губа закушена почти до крови.

— А теперь спи!

Гэл накинул на обнажённое тело девушки свой плащ и вновь вернулся к костру. Сел подле него, неторопливо подкинул в едва тлеющие уголья несколько свежих поленьев. С каким-то интересом даже принялся наблюдать за возрождающимся пламенем...

Некоторое время девушка лежала молча и совершенно неподвижно, потом она открыла глаза и, чуть скосив их в сторону, посмотрела на Гэла.

— Ты что, так и будешь сидеть там всю ночь?

— Нет, — сказал Гэл, стараясь не глядеть на неё. — Сейчас я встану и приготовлю себе спальное место вон у той стены. Так что, можешь не волноваться. Лучше постарайся уснуть, тебе это необходимо...

Девушка ничего не ответила, а через некоторое время, когда Гэл уже решил, было, что она крепко уснула, он вдруг услышал с той стороны приглушённое всхлипывание.

— Не надо плакать! — по-прежнему не поворачивая головы в сторону девушки, негромко проговорил Гэл. — Всё у тебя ещё будет хорошо, вот увидишь!

— Ты добрый! — сказала девушка, продолжая негромко и часто всхлипывать. — Я даже не думала, что такие бывают. Наверное, ты один такой, да?

— Наверное, — сказал Гэл. — А теперь давай, спи!

— Если бы ты знал, как я устала!

Голос девушки был сейчас каким-то тоскливым, надломленным... и ещё в нём звучала полная безнадежность, что ли...

— Я ведь была тут совершенно одна... всё эти долгие дни и ночи я была тут совершенно одна! — шептала девушка, глядя на Гэла. — Особенно ночи... они такие длинные! И такие холодные! А

я... я даже костёр остерегалась разжигать ночью, я так боялась выдать себя этим! Я всего боялась, понимаешь?

— Понимаю, — сказал Гэл. — Очень даже понимаю!

— Я и тебя испугалась поначалу, хотела убежать, но почему-то так и не смогла этого сделать. Не знаю почему, но я так и не смогла заставить себя убежать...

— Ты просто соскучилась по людям, — проговорил Гэл, по-прежнему не отводя глаз от костра. — Это нормально.

— Нет! — отчаянно затрясла головой девушка. — Это ненормально! Потому что я не смогу больше быть одна! Я не смогу больше остаться одной! Раньше могла, а теперь не смогу!

Она замолчала, словно в ожидании ответа, но Гэл так ничего ей и не ответил.

— Иди ко мне! — вновь прошептала девушка. — Ты мне нужен, понимаешь! И я тебе нужна, я же вижу, что нужна тебе!

— Ты боишься, что я уйду, пока ты будешь спать? — догадался Гэл. Повернувшись, наконец, в сторону девушки, он пристально посмотрел ей в лицо, чумазое, жалобное и, вместе с тем, такое привлекательное даже сейчас. — Не бойся, я никуда не уйду! Тем более... — он замолчал, улыбнулся и добавил: — Тем более что у тебя мой

плащ. Как же я уйду без плаща?

— А утром? — всё так же жалобно проговорила девушка. — Утром ты ведь уйдёшь?

— Утром мы уйдём вместе, — сказал Гэл. — Обещаю тебе!

— Куда мы уйдём утром?

Этого Гэл и сам не знал, а потому ничего не ответил.

— Почему ты не захотел лечь со мной? — спросила вдруг девушка жалобно. — Я тебе не нравлюсь?

— Нравишься, — сказал Гэл, думая о чём-то своём. — А ты и в самом деле этого хочешь?

— Хочу! — Девушка помолчала немного и добавила: — Почему ты мне не веришь?

— Потому, что мне сорок, а тебе всего только семнадцать! — сказал Гэл. — Я, наверное, даже старше твоего отца, ведь так?

— Мне почти восемнадцать! — сказала девушка с какой-то странной интонацией в голосе. — А моему отцу было больше шестидесяти, к твоему сведению!

Гэл ничего не ответил.

— И ты мне нравишься! Правда, нравишься!

— Милая моя девочка! — Гэл встал, подошёл к девушке, некоторое время молча смотрел на неё, чувствуя, как подкатывает изнутри к горлу какой-то тугой солёный комок, как подозрительно защицало

вдруг под веками. — Я не брошу тебя завтра! Обещаю!

— Поцелуй меня! — неожиданно попросила девушка и вдруг, не успел ещё Гэл и наклониться к ней, сама обхватила его за шею обеими руками и припала горячими своими губами к обветренным его губам.

Глава 2

Гэл

Гэл проснулся рано, над землёй стояла ещё тягучая предутренняя тьма. В последнее время привычка вставать очень рано прочно в нём укоренилась, а два раза даже спасла жизнь... так что ничего особенного не было в том, что и на этот раз он проснулся ни свет, ни заря...

Ничего особенного, кроме...

Чуть повернув голову влево, Гэл посмотрел на безмятежно спящую девушку и припомнил вдруг вчерашний вечер. И вчерашнюю ночь тоже. И даже застонал мысленно от злости и досады на себя самого.

Не надо было всего этого делать! Не надо было, вообще, даже близко к ней подходить! А, тем более, давать пустых обещаний, вот чего ещё не надо было делать вчера!

Но слово, не воробей, как говорится...

И что же ему теперь делать с ней?

Гэл вздохнул и, приподнявшись на локте, ещё раз, на этот раз куда более внимательно окинул взглядом девушку.

Повернувшись к нему спиной и засунув под голову кулачок, девушка спала так, как обычно спят дети, уютно свернувшись калачиком. Грязные, свалявшиеся и, тем не менее, пышные даже сейчас волосы девушки в красивом беспорядке рассыпались по обнажённой спине. Их цвет был довольно необычным, светло-золотистым, с медным даже отливом... и Гэл невольно представил вдруг, как выглядели бы эти волосы, будучи хорошо вымытыми и ухоженными...

Зря, ох как зря он это себе представил!

Откинувшись на спину и глядя остановившимся взглядом в уже почти прозрачное утреннее небо над головой, Гэл угрюмо и сосредоточенно размышлял над тем, что же ему теперь делать.

Может, пока она ещё не проснулась, встать и просто уйти, пожертвовав ради этого даже поношенным своим плащом?

Это мысль пришла и ушла, ибо Гэл уже понимал, знал наверняка, что просто уйти и бросить тут девушку он уже не сможет. Одновременно с этим, он понимал, что, оставив её при себе, делает тем самым большую, непоправимую даже ошибку.

И что, взваливая на плечи этот дополнительный груз ответственности, он связывает себя, буквально, по рукам и ногам.

Он хорошо понимал всё это, но...

Он понимал и другое.

Проснувшись и не увидев его рядом, девушка может просто не вынести нового своего одиночества, не вынести ещё одного предательства, тем более, предательства со стороны близкого человека.

Близкого ли?

Вообще-то, Гэл не питал на сей счёт абсолютно никаких иллюзий. Девушка потянулась к нему потому лишь, что смертельно устала быть одной, потянулась, подсознательно, с потрясающей женской интуицией понимая, что только таким образом сможет удержать Гэла подле себя. Удержать хотя бы на некоторое время...

Что ж, интуиция не подвела, и девушка, в конце концов, оказалась права. Интересно, ушёл бы он, если бы ночью между ними ничего не было? Может быть, и ушёл.

Но, как бы там ни было, Гэл уже принял решение, а, приняв — тотчас же отбросил в сторону всякие сомнения и колебания. И так, дальше они двинутся вдвоём, это уже решено...

Вопрос только в том, куда им сейчас податься?

Гэл осторожно пошевелился, затем сел. И тотчас же ощутил, как тоненькие, но на удивление крепкие пальчики отчаянно вцепились в правое его запястье.

— Ты что, уходишь?!

Гэл повернул голову. Девушка смотрела ему прямо в глаза своими испуганными и широко распахнутыми глазами, и глаза эти оказались совсем не зелёными, как он почему-то решил вчера, а небесно-голубыми, скорее даже бездонно-голубыми...

— Ты хочешь уйти, да?

— С чего ты взяла? — Гэл улыбнулся и ободряюще подмигнул девушке. — Я просто встаю вот и всё. Я всегда поднимаюсь рано, это у меня привычка. А ты можешь ещё полежать, пока я разведу костёр и всё такое прочее. Но сперва я хочу умыться, тут водопад неподалеку...

— Ты умываешься в водопаде? — девушка недоверчиво улыбнулась и, отпустив руку Гэла, вновь закрыла глаза. — Ладно, иди, умывайся! Только не бросай меня потом, договорились?

— Договорились, — сказал Гэл, заботливо укрывая девушку плащом. — А теперь спи!

Неподалёку от расщелины и в самом деле был водопад, совсем небольшой, с холодной, ледяной даже водой. Но к холоду Гэлу было не привыкать, к тому же он всегда гораздо лучше чувствовал себя

чисто вымытым.

Ступив под хлёсткие ледяные эти струи, Гэл едва не заорал от буквально обжѐгшего всё тело холода. Потом ощущение холода, хоть и не исчезло совсем, но в значительной степени притупилось, и Гэл принялся мыться более основательно, используя для этой цели почти новенькое лыковое мочало и чудом сохранившийся ещё у него кусок мыла, вернее, небольшой уже обмылок.

Мыло, как и многое другое, доставляли людям горные гномы. Секрет его изготовления гномы держали в тайне, сами же люди делать его, увы, не умели, потому мыло стоило довольно дорого и не все имели возможность пользоваться такой роскошью. И, намыливая в очередной раз мочало, Гэл с грустью подумал о том, что теперь, когда регулярная торговля между людьми и гномами почти прекратилась, стоимость мыла должна будет резко подскочить.

Впрочем, это касалось не одного только мыла...

Наполоскавшись, наконец, вдоволь (и основательно окоченев при этом), Гэл выскользнул из-под хлещущих струй и, схватив кусок грубой домотканой материи, служащей ему вместо полотенца, принялся с каким-то даже ожесточением растирать этим полотенцем почти онемевшую кожу, постепенно возобновляя в ней нормальное

кровообращение. И тут только обнаружил, что девушка, завёрнутая с ног до головы в уродливое своё одеяние, стоит совсем неподалёку и внимательно за ним наблюдает. Увидев, что Гэл тоже смотрит в её сторону, девушка вдруг лучезарно улыбнулась и подняла руку, как бы в знак приветствия.

— Отвернись! — несколько смущённо буркнул Гэл, прикрывшись, насколько это было возможно, импровизированным своим полотенцем. — Что, ночью не насмотрелась?

— На тебе столько шрамов! — как ни в чём, ни бывало, проговорила девушка и подошла поближе. — Откуда они у тебя?

— От хорошей жизни! — буркнул Гэл, торопливо принявшись одеваться. — Хочешь, я скажу, о чём ты сейчас подумала?

— Хочу! — с явным интересом проговорила девушка. — Скажи!

— Ты, глядя на меня, сейчас подумала: ну и уroda же я себе отыскала!

— Ничего подобного! — щёки девушки внезапно порозовели. — Шрамы украшают мужчин! И вообще, урод — это мужчина, не имеющий ни одного боевого шрама! Это, вообще, не мужчина, если хочешь знать! Я бы к такому и близко не подошла!

Выпалив единым духом гневную эту тираду,

она тут же направилась в сторону бешено грохочущего водопада, протянула к нему руку и тотчас же вновь её отдернула.

— Что, холодно? — спросил Гэл.

— Ничего подобного!

Девушка решительно сбросила с плеч покрывала и шагнула прямо под падающий водяной поток. И тотчас же пронзительно взвизгнула, то ли испуганно, то ли восторженно.

— Ну, как? — спросил Гэл, с интересом за ней наблюдая.

— Здорово! — стуча зубами, проговорила девушка. — У тебя, кажется, мочало было?

— И мыло тоже!

Завернув мыло в мочало, Гэл бросил его девушке. Потом подумал немного и переложил чуть подальше, туда, куда не долетали брызги, сброшенное девушкой покрывало. Положив сверху полотенце, Гэл отвернулся и с арбалетом наготове принялся внимательно осматриваться по сторонам. Конечно, горные склоны — это совсем не то, что страшные дебри Чёрного леса, но осторожность и тут не помешает. Тем более, сейчас...

Гэл простоял так всё то время, пока девушка мылась (а мылась она на удивление долго, наверное, и сам он столько бы не выдержал в ледяной этой воде), и всё то время, пока она мылась, Гэл охранял её с арбалетом наготове.

Потом плеск и восторженные вопли позади его прекратилось, и Гэл понял, что девушка, наконец-таки, закончила утреннее своё умывание.

— Ну что, всё уже? — проговорил он нетерпеливо. — Можно на тебя смотреть?

— А разве я запрещала тебе это делать? — искренне удивилась девушка, не переставая стучать при этом зубами. — Вот уж не припомню!

Гэл повернулся в её сторону и увидел, что она и не думала ещё одеваться. Впрочем, частично девушка всё же была одета, она повязала на бёдра мокрое полотенце и стояла так, держа в руках серое своё покрывало и буквально трясясь всем телом от холода.

— Такое грязное! — стуча зубами, с трудом проговорила девушка. — И такое колючее! И как я в нём всё это время ходила, не представляю!

— У тебя есть выбор? — осведомился с некоторой иронией Гэл. — В одежде, я имею в виду. Есть выбор?

— Нет! — трясясь всем телом, но, так и не натягивая на себя покрывало, проговорила девушка упавшим голосом. Потом она умоляюще взглянула на Гэла и добавила нерешительно: — Я думала, может... может, у тебя что найдётся...

— Правильно думала!

— Правильно?! — девушка от радости даже дрожать позабыла. — У тебя есть что-нибудь для

меня?

— Поищем!

Гэл подобрал мочало и мыло, сунул их в одну из поясных сумок. Потом, перехватив поудобнее арбалет, он быстро зашагал в сторону расщелины.

— Идём, пока совсем в ледышку не превратилась!

Девушка почти бегом устремилась за ним.

Порывшись в походном своём мешке, Гэл, наконец, извлёк из неё длинную и широкую мужскую рубаху. Не глядя, сунул её в дрожащие руки девушки.

— На, одевай!

Девушка, всё ещё стуча зубами, торопливо натянула на себя рубаху и та оказалась ей почти до колен. Потом девушка затянула на талии пояс с кинжалом... Гэл, впрочем, не смотрел на неё, он возился с костром, осторожно раздувая ещё не успевшие остыть за ночь вчерашние уголья.

— Здорово! — оглядывая себя со всех сторон, проговорила восхищённо девушка. — Спасибо!

— Носи на здоровье!

Огонь, наконец-то, взметнулся вверх из-под наложенных несколькими слоями поленьев, принялся торопливо и жадно их обглаживать.

— Иди, грейся!

Подойдя к костру вплотную, девушка опустилась на корточки и доверчиво протянула в

сторону огня мокрые розовые ладони. Так она и сидела некоторое время, осторожно поворачиваясь к костру то одной, то другой стороной, а Гэл всё это время украдкой за ней наблюдал.

Купание, пусть даже и в ледяных струях водопада (а, может, именно благодаря этому), самым чудесным образом преобразило девушку. Гэл даже стал почти сомневаться, что перед ним та самая замарашка, испуганная и озлобленная на весь белый свет, которую он вчера довольно опрометчиво пригласил к своему костру. Впрочем, жалеть об этом было уже поздно... а, возможно, девушка и сама пришла бы вчера, ведь не зря она так долго за ним наблюдала.

Густые, пышные волосы девушки, постепенно просыхая, и в самом деле оказались чудесного, медно-золотистого цвета... а грубая рубаха эта, вместо того, чтобы обезобразить её, наоборот, придала юной красоте девушки ещё больше красоты и обаяния. А, может, дело тут вовсе и не в рубахе...

«Красавице и лохмотья к лицу» — вспомнилась вдруг Гэлу старая поговорка. И ещё острее, нежели прежде ощутил вдруг пропасть, разделяющую его и юную прекрасную эту незнакомку. Хорошо ещё, что вчера она выглядела совсем по-другому, иначе вряд ли осмелился бы он навязывать ей скромное своё общество...

Впрочем, он-то как раз ничего ей и не навязывал...

— О чём ты думаешь? — поинтересовалась вдруг девушка, искоса и с некоторой даже долей лукавства разглядывая хмурое, озабоченное лицо Гэла.

— Что?

Вздрогнув, Гэл поднял голову от огня, взгляд его неожиданно упал на босые, исцарапанные в кровь ноги девушки.

— Я думаю, что вопрос с одеждой для тебя мы частично решили, — сказал он. — А вот насчёт обуви...

Девушка тоже посмотрела на свои израненные о камни ступни, потом вздохнула и перевела взгляд на бесформенное серое покрывало, валяющееся неподалёку.

— А что, если оторвать от него кусок и замотать ноги. Вернее, два куска. А сверху ещё ремешками какими скрепить, чтобы не спадали?

Гэл тоже взглянул на покрывало.

— Отличная идея! — одобрил он. — Впрочем, мы её ещё немного усовершенствуем...

— Как это?

Не отвечая, Гэл принялся за дело. Небольшим острым ножиком он заготовил множество узких полосок коры горной ивы, растущей вокруг в огромном количестве. Потом принялся за плетение.

Имея всего одну руку (плюс трезубец, но в плетении это слабая подмога), он, тем не менее, довольно быстро изготовил пару, так называемых, плетёнок, обуви, почти неизвестной в племени Совы, но пользующейся довольно высоким спросом среди некоторых других племён. Девушка, разумеется, как могла ему помогала, вернее, пыталась помогать... жаль только, что толку от этой её помощи оказалось, увы, немного.

Потом девушка, пользуясь указаниями Гэла, оторвала от бывшего своего одеяния два порядочных куска. Остальную часть покрывала она намеревалась, было, бросить в огонь, но Гэл, отняв у неё изуродованное покрывало, аккуратно сложил его и спрятал в мешок.

— Пригодится, — сказал он. — А теперь давай обуваться.

Девушка, опять-таки пользуясь указаниями и помощью Гэла, обвернула куски материи вокруг своих узких ступней, сверху насунула плетёнки и закрепила всё это узкими сыромятными ремешками. Некоторое время молча смотрела на новую свою обувь.

— Слушай, у тебя всё так ловко получается... — задумчиво проговорила она. — И всё одной рукой. Я бы и двумя так не смогла... — Девушка вдруг поняла, что выразилась несколько бестактно, потому замолчала и виновато

посмотрела на Гэла. — Ой, прости, я не это имела в виду...

— Поживи с моё! — Гэл улыбнулся, как бы показывая, что ничуть даже не обиделся. — А теперь встань, пройдишь немножко. Хочу посмотреть, как они держаться будут.

— Да нормально они будут держаться, нормально! Здорово просто!

Девушка вскочила, ловко притопнула сначала одной, а потом и другой ногой... ещё потом она подбежала к Гэлу и, обхватив за шею обеими руками, принялась жадно и лихорадочно осыпать поцелуями его давно небритые щёки.

— Спасибо тебе за всё! — лихорадочно бормотала она, одновременно плача и смеясь. — Ты даже не представляешь, что ты для меня теперь значишь! Даже не представляешь, что ты для меня сделал!

— Ну, всё, всё! — Гэл осторожно отстранил от себя девушку, усадил рядом. — Ты мне ничем не обязана, правда!

— Ты говоришь так потому, что по-прежнему мечтаешь от меня избавиться? — мгновенно ошетибилась девушка, она даже плакать перестала от возмущения и негодования. — Ты хочешь, чтобы я ушла, да?! Скажи честно, ты этого хочешь?!

— Да нет, с чего ты взяла? — Гэл почему-то смутился. — Я просто хотел сказать, что ты

можешь выбирать сама. И уйти можешь тогда, когда захочешь, вот что я хотел сказать, больше ничего...

— Ничего ты не понимаешь! — чуть слышно прошептала девушка, и, взяв правую руку Гэла в обе свои, крепко прижалась к ней щекой. — Ты столько для меня сделал...

— Нашёл, привёл, накормил, обогрел... — начал перечислять Гэл. — Потом ещё умыл хорошенько...

— Одел, — напомнила девушка, не отпуская его ладони.

— И обул, к тому же! — сказал Гэл. — Пора уже и тебе хоть что-нибудь для меня сделать...

— Что? — напряжённо и как-то растерянно переспросила девушка, отпуская, наконец, руку Гэла. — Что сделать?

— Ну, хотя бы, назвать своё имя, — сказал Гэл. — Тем более, я уже вроде как твой мужчина, если, конечно, не ошибаюсь...

— Не ошибаешься! — девушка вновь заключила правую ладонь Гэла в узкие свои ладони. — Я — Гера. А тебя как зовут?

— Называй меня Гэл! — сказал Гэл. — Впрочем, это моё не первое имя...

— В самом деле? — Гера тряхнула головой, откидывая назад волосы, и вдруг звонко и весело рассмеялась.

— Ты чего? — спросил Гэл.

— Ничего! — Гера вновь потрянула головой. — Волосы проклятые, лучше бы я их не мыла!

— Да ты что! — Гэл высвободил руку, бережно и нежно погладил девушку по голове. — Они у тебя такие красивые...

— Ну да! — Гера в третий раз потрянула головой. — В глаза лезут!

— Держи! — порывшись в кармане, Гэл нашёл там узенький ремешок. — Обвяжи вокруг головы.

Гера так и сделала. Потом они позавтракали остатками вчерашней трапезы и Гэл начал собираться. Впрочем, собирать особо было нечего.

— Куда мы теперь? — спросила Гера, внимательно за ним наблюдая. — И почему мы, вообще, должны уходить отсюда?

Гэл, ничего не отвечая, внимательно осматривался по сторонам, как бы проверяя, всё ли уложено, не забыто ли хоть что-нибудь. Вроде, ничего не забыл...

— Здесь такое чудесное место! — продолжала между тем Гера. — И водопад этот, и вообще...

Она покосилась на мягкое ложе из ветвей, где они вместе провели нынешнюю ночь. Гэл перехватил этот её взгляд, и девушка смущённо потупилась.

— Останемся? — тихо спросила она. — Ещё хоть на денёк, да?

— Нет! — произнёс Гэл, продевая руки в лямки сумки. — Это слишком опасно.

— Да в чём тут опасность то... — начала, было, Гера, но Гэл внезапно схватил её за руку.

— Тс-с! — прошептал он. — Помолчи!

Умолкнув на полуслове, Гера испуганно уставилась на встревоженное лицо Гэла. А Гэл, отпустив, наконец, её руку, принялся вдруг торопливо заряжать арбалет, вернее, перезаряжать его, вставляя вместо одной длинной стрелы несколько стрел потолще и покороче...

— Последние... — пробормотал он чуть слышно. — Плохо!

Он вновь прислушался к чему-то, чего Гера пока так и не могла расслышать, как ни старалась.

— Что там? — звенящим тревожным шёпотом проговорила она. — Это люди?

— Влипли мы с тобой, девочка! — неожиданно мягко сказал Гэл, поворачиваясь в сторону Геры. — Это я во всём виноват! Расслабился непозволительно! А надо было уходить чуть свет...

Теперь уже и Гера отчётливо услышала, как где-то совсем неподалёку хрустнула ветка, потом до её слуха донеслись приглушённые каменной стеной и расстоянием, чьи-то неразборчивые

голоса. Голоса постепенно приближались... люди (или гномы), пока невидимые отсюда, шли, кажется, ничего и никого не опасаясь и ни от кого особо не таясь. Возможно, они не знали ещё о присутствии тут, в расщелине, двух человек...

Впрочем, это было всего лишь вопросом времени...

— Смотри! — прошептала Гера Гэлу прямо на ухо. — Там, выше, какое-то отверстие! Может, там есть выход?

Гэл посмотрел в указанную сторону. В отвесной стене действительно что-то чернело. Что ж, возможно, Гера права и там и в самом деле имелся выход наружу. В противном случае, они сами запрут себя в ловушку.

Но выбора уже не было. Единственный выход из расщелины был перекрыт и вот-вот первые из чужаков окажутся здесь. Возможно, не обнаружив Гэла возле костра, они решат, что он уже ушёл и бросятся в погоню...

— Давай туда! — шепнул Гэл девушке, указывая арбалетом на чернеющее отверстие.

— А ты? — встревожено прошептала она.

— А я следом! Давай же, не тяни время!

Время и в самом деле оставалось в обрез. Не успели они ещё забежать в пещерку, которая, увы, так и не имела никакого продолжения, как топот ног и возбуждённые голоса послышались совсем

близко и не менее десяти человек появились вдруг у самого входа в расщелину. Остановившись, они сразу же, как по команде, замолчали и принялись внимательно осматриваться вокруг.

Внимательно наблюдая за ними из-за высокого пологого камня, Гера едва не вскрикнула от неожиданности. Кажется, она подсознательно ожидала увидеть перед собой либо воинов-разведчиков одного из племён долины, либо, в крайнем случае, горных гномов. Между тем незнакомцы решительным образом не походили ни на тех, ни на других, хоть и являлись, скорее людьми, нежели гномами. Точнее, выглядели они какой-то странной помесью обоих этих рас...

Гномов они напоминали необычайной шириной плеч и грубыми чертами уродливого лица, хоть фигуры у них были, скорее, человеческими, только с более длинными, нежели у обычных людей, руками. Ноги же у незнакомцев, наоборот, были значительно короче, чем у людей долины, да и одеты эти люди были довольно необычно: в грубо выделанные звериные шкуры, мехом наружу. Ещё одной особенностью, отличавшей их, как от людей долины, так и от горных гномов, было то, что лица у всех были выкрашены в какой-то красновато-коричневый цвет с чёрными двойными полосами на лбу и щеках...

Все, без исключения, пришельцы были

мужчинами, из оружия у них имелись лишь длинные копья с острыми наконечниками из рога, да ещё более короткие метательные дротики с кремнёвыми наконечниками. У некоторых воинов, правда, имелись ещё и деревянные увесистые дубины.

Один из пришельцев, очевидно вожак их небольшого отряда, ибо на лбу и щеках его имелось не по две, а по три чёрные полосы, что-то выкрикнул на непонятном языке, напоминающим, скорее, собачий лай, нежели членораздельную человеческую речь. Но воины его хорошо поняли, подняв угрожающе копья, они принялись осматривать все закоулки, постепенно приближаясь при этом к пещерке, где, плотно прижавшись к стене, стояли неподвижно Гэл и Гера.

Пещерка их обманула, она оказалась западнёй, а не спасением, и Гэл хорошо понимал это. Впрочем, возможно, если он первым бросится на врагов и отвлечёт их, тем самым, от пещерки, Гера будет спасена. Главное, чтобы она не последовала за ним...

— Оставайся тут! — шепнул он девушке и, прежде, чем она успела хоть что-либо ему ответить, с воинственным криком выскочил наружу, подняв арбалет. Медленно пошёл навстречу опешившим воинам, которые, следуя очередному лающему выкрику вожака, сгрудились, все разом, выставив

перед собой копья. Это было на руку Гэлу, именно поэтому он и обнаружил заранее своё присутствие, именно поэтому и шёл сейчас навстречу врагам. Тщательно прицелившись, он спустил курок...

Боевые арбалеты воинов долины изготовлялись в далёких таинственных мастерских горных гномов, и люди так и не научились в точности их копировать, несмотря на все свои старания. Арбалеты эти могли стрелять одиночными стрелами далеко и на удивление метко, и люди тоже умели изготовлять почти такого же качества арбалеты. Но было в арбалетах гномов ещё одно приспособление, которое люди точно скопировать никак не могли, хоть и пытались: приспособление это давало возможность выстрелить одновременно несколькими короткими тяжёлыми стрелами и поразить сразу несколько врагов, на более короткой, правда, дистанции. Всё это и проделал сейчас Гэл, выпустив в сгрудившихся врагов сразу семь коротких стрел.

И почти одновременно с этим общий вопль боли и ярости, казалось, потряс расщелину. Пятеро воинов упали замертво, шестой, получивший стрелу в живот, немногим от них отличался, корчась на земле от невыносимой боли. Все до одной стрелы нашли свои жертвы, но на долю одного из воинов пришлось сразу две стрелы.

Как бы там ни было, количество врагов враз

уменьшилось более чем наполовину. Правда, и оставшегося их количества было более чем достаточно для одного противника, так как у Гэла совершенно не было времени заряжать вновь арбалет. К тому же, в запасе у него осталось лишь несколько длинных одиночных стрел...

Отбросив в сторону бесполезный теперь арбалет, Гэл выхватил из ножен меч и быстро, пока ещё оставшиеся в живых противники не полностью пришли в себя, бросился в их сторону. Один из воинов метнул в сторону Гэла дротик, да второпях промахнулся, второй, отчаянно что-то выкрикивая, бросился навстречу ему с копьём наперевес.

Хладнокровно выждав, Гэл быстрым, заученным движением ушёл от разящего удара копья и тут же сделал короткий ответный выпад мечом. Выпустив из рук копьё и схватившись обеими руками за разрубленное горло, вражеский воин тяжело рухнул прямо к ногам Гэла. А на его месте вдруг оказались сразу два воина, при этом в руках одного из них, вожака, имелась внушительного вида дубина. Второй воин был вооружён тяжёлым деревянным копьём, но нападать на Гэла в одиночку он так и не решился. Вместо этого, оба воина принялись теснить своего противника к плоской и почти отвесной каменной стене...

Их не совсем понятный манёвр Гэл смог по

достоинству оценить лишь тогда, когда плечи его коснулись холодного этого камня, и отступить дальше оказалось совершенно некуда. Остановившись с мечом в руке, Гэл занял оборонительную позицию, но и оба воина тоже остановились, угрожая ему, одновременно, и справа, и слева. А третий воин уже приближался к ним, зажав в мощной волосатой руке дротик и изготовив его, таким образом, для последнего решающего броска.

Гэл понял, что погиб. И молил Высокое Небо о том лишь, чтобы, поразив его, враги, покинули эту расщелину, не продолжая тут более своих поисков. Ведь они-то искали его одного — вот и нашли... что им ещё надо? Пусть убираются себе восвояси и оставят Геру в покое!

И, словно в ответ на эти его невесёлые размышления, тоненькая и почему-то совершенно обнажённая фигурка девушки появилась всего в каких-то двадцати шагах от них.

— Эй вы! — звонко выкрикнула Гера. — Давайте сюда! Я здесь!

Третий из вражеских воинов и в самом деле тут же рванулся в её сторону, несмотря на гневные возгласы вожака. Он приближался к девушке, возбуждённо и алчно рыча... он даже дротик свой уронил за ненадобностью...

— Зачем, Гера?! — отчаянно выкрикнул Гэл,

бросаясь с мечом на правого из двух, окруживших его воина. — Беги! Да беги же ты!

Но Гера не стала убегать. Она лишь наклонилась — и в руках девушки сверкнул вдруг медными своими деталями арбалет. Заряженный.

Звонко тренькнула тетива, и спешивший к девушке воин рухнул навзничь с арбалетной стрелой в груди. А Гера дрожащими руками вновь принялась поспешно заряжать оружие.

Но Гэл ничего этого уже не видел, не до того ему сейчас было. Он сошёлся в рукопашную с обоими своими противниками и в воздух одновременно взметнулись меч, копьё и дубинка. Обладателя копья Гэл сумел обезоружить, ранив его в руку и заставив выпустить оружие, но в это же время получил удар дубиной по голове. Правда, Гэл успел-таки отклониться в сторону, и удар этот вышел не в полную силу, скольльзящим. Но и скользящего этого удара вполне хватило, чтобы в голове Гэла всё померкло и помутилось, меч выпал из ослабевшей руки, а ноги как-то сами собой обмякли и подкосились. Уже падая, он успел ещё ударить трезубцем в горло раненого воина, но увернуться вторично от, взметнувшейся над самой его головой дубинки Гэлу уже было не суждено. Это была смерть, летящая сверху, и Гэл уже ждал её, сожалея не о себе даже, о Гере, которой он обещал помощь и поддержку, да так и не сумел

выполнить этого своего обещания...

И вдруг, словно сама по себе, в широком, приплюснутом лбу вожака возникла арбалетная стрела. И почти сразу же он, выронив дубинку, тяжело рухнул ничком прямо на Гэла. Совершенно ошеломленный таким неожиданным поворотом дела, тот даже не попытался отклониться в сторону.

Вожак оказался на удивление тяжёлым, и Гэлу не сразу даже удалось сбросить его с себя. Вскочив, наконец, на ноги, Гэл первым же делом подхватил оброненный свой меч. Принял боевую стойку, настороженно осмотрелся по сторонам...

Но воевать больше было не с кем. Противники, все до одного, валялись на земле мёртвыми или тяжело ранеными, а к Гэлу уже приближалась Гера. Одетая. С арбалетом в правой руке. В левой же руке девушки был тяжёлый заплечный мешок Гэла, который она, впрочем, не несла, а с явным усилием волочила за собой.

Увидев, что Гэл встал, Гера выпустила и арбалет, и мешок, и почти бегом бросилась к нему.

— Ты цел?! Не ранен?

— Нет! — Гэл правой рукой обнял за плечи крепко прильнувшую к нему девушку. Почувствовав, как она дрожит вся от пережитого волнения, ласково потрепал по взлохмаченным волосам. — А ты молодец, малышка! Великолепный выстрел!

— Как ты меня назвал только что? — спросила Гера, чуть отстраняясь и глядя Гэлу прямо в лицо. — Малышкой?

— Малышкой, — повторил Гэл, немного смутившись. — Но если тебе не нравится...

— Мне нравится! — шепнула Гера, вновь крепко к нему прижимаясь. — Называй меня всегда так, ладно?

— Ладно! — сказал Гэл, теперь сам уже отстраняясь от прильнувшей доверчиво к нему девушки. — А теперь, малышка, нам надо рвать отсюда когти! И как можно скорее! Но для начала...

Первым делом Гэл торопливо собрал стрелы, безжалостно выдёргивая их и из мёртвых и из живых ещё пришельцев. Живые, кстати, все как один, лежали совершенно неподвижно, неумело притворяясь убитыми, но добивать их Гэл не стал, к великому облегчению Геры, хоть и понимал, что совершает, таким образом, ошибку, непростительную для воина в боевой обстановке. А он и в самом деле был сейчас воином, и обстановка вокруг была вполне боевой... но тут была Гера, а это значительно всё усложняло...

Впрочем, не будь с ним сейчас Геры, он бы уже валялся тут, среди камней, с раскрытой надвое головой...

Собрав стрелы, Гэл задумчиво посмотрел на

вражеское оружие и лишь покачал головой. Впрочем, может, хоть что-либо из их одеяния сойдёт.

Стадив с одного из убитых воинов меховую накидку, Гэл задумчиво её осмотрел. Одевание это было, вообще-то, довольно тёплым и удобным, но при этом неописуемо грязным. А уж воняло от него просто ужасно.

И всё же Гере нужно ещё хоть что-то, ибо в горах не всегда будет такая тёплая погода, как в эти дни...

— Я это не одену! — решительно заявила Гера. — И не мечтай даже!

— Ладно!

Гэл, брезгливо поморщившись, отшвырнул накидку в сторону.

— Тебе мёрзнуть, не мне!

Гера ничего ему на это не ответила, она лишь загадочно и как-то неопределённо улыбнулась, но Гэл понял по плутоватой этой улыбке, что в случае резкого ухудшения погоды мёрзнуть придётся всё же не ей...

— Пошли тогда!

— Подожди!

Повернувшись, Гера медленно подошла к тому самому небольшому отверстию в стене, которая едва их не погубила. Осторожно в неё заглянула...

— Ну, что там ещё? — нетерпеливо поинтересовался Гэл, тревожно оглядываясь по сторонам. — Забыла чего?

Ничего на это не отвечая, Гера продолжала внимательно осматривать внутреннюю часть пещерки.

— Ладно, пошли... — сказала она, с явной неохотой спускаясь вниз, к Гэлу. — Наверное, почудилось...

— Что тебе почудилось, малышка?

— Понимаешь, — медленно проговорила Гера, вновь оборачиваясь к тёмному отверстию в скале, — когда я начала выходить оттуда с арбалетом в руке, мне вдруг показалось... Да ерунда какая-то показалась! — махнула она рукой и засмеялась. — Пошли, что ли?

— Пошли!

Держа на уровне пояса заряженный арбалет, Гэл первым выглянул из расщелины. Остановился у выхода, внимательно и настороженно осмотрелся по сторонам.

Всё, вроде, было спокойно. Пока, во всяком случае...

— Вперёд!

Почти бегом они миновали грохочущий водопад, по узенькой звериной тропке принялись взбираться вверх, обходя огромные нагромождения каменных глыб по обе стороны от тропинки. Потом

с обеих сторон пошли сплошные заросли какого-то колючего кустарника.

— Подожди! — почти задыхаясь, выкрикнула Гера. — Я не могу так быстро!

Гэл оглянулся. Девушка стояла возле огромного каменного валуна и, держась за него, рукой, тяжело и прерывисто дышала. Увидев, что Гэл тоже остановился, она выпрямилась.

— Устала? — спросил Гэл, подходя к ней.

— Ещё чего!

Дальше они шли уже куда медленней, да и тропинка, начавшая вдруг вилять из стороны в сторону, не способствовала быстрому продвижению.

Потом кустарник как-то резко и неожиданно закончился, и они вдруг оказались на огромном горном лугу, где от века некошенная трава почти достигала пояса. Луг этот, постепенно уходя ввысь, тянулся до самых горных хребтов, густо поросших у основания хвойным лесом. А ещё выше начинались уже вечные снега и ледники...

— Мы что, пойдём туда? — спросила Гера, указывая на горы. — Знаешь, мне что-то не очень хочется...

— Мне тоже, — сказал Гэл. — Тем более что там уже начинается территория горных гномов. А ты ведь знаешь, как они относятся к нам?

— Знаю! — Гера как-то неопределённо

хмыкнула. — А мы что, относимся к ним лучше?

Позади вдруг послышался треск ломающихся сучьев. Резко обернувшись, Гэл поднял арбалет, но тут из кустарника чуть правее от них выскочил крупный горный баран с огромными закрученными в стороны рогами. Он сунулся, было, в сторону людей, но тотчас же, круто развернувшись, помчался вдоль линии, разделяющей заросли кустарника и огромный этот луг.

— Надо было стрелять! — с досадой выкрикнула Гера.

— Надо было! — Гэл задумчиво проводил взглядом быстро удаляющегося барана, потом вновь перевёл взгляд на кустарник. — Или не надо было...

— Почему не надо?

— Кто-то его спугнул! — Гэл кивнул головой в сторону кустарника.

Ничего ему на это не ответив, Гера, тем не менее, тоже принялась прислушиваться и присматриваться к обманчивой тишине вокруг.

Но вокруг по-прежнему было тихо, и Гэл постепенно успокоился. Спугнуть барана мог и какой-нибудь хищный зверь, мало ли их тут бродит. И с чего он взял, что кроме тех десятерых пришельцев, могут быть ещё и другие? Наверное, и Гера подумала как раз о том же.

— Слушай, а что это за люди такие

странные? — спросила она. — Никогда не видела ничего подобного. А ты?

— Я тоже! — сказал Гэл.

— Но ты ведь именно их опасался? — Гера внимательно смотрела на своего спутника. — И когда ты меня торопил утром, ты ведь уже знал, что они придут? Или не знал?

— Знал, — сказал Гэл. — Вернее, предполагал. Позавчера я столкнулся с тремя из них... вернее, они попытались напасть на меня врасплох...

— И что? — спросила Гера. — Впрочем, догадываюсь...

— Один убежал, — сказал Гэл мрачно. — Вот почему я и опасался...

— Но теперь то мы их всех убили?

«Всех ли?» — тревожно подумалось Гэлу.

Но вслух он этого, разумеется, не сказал.

— Ты здорово стреляешь, малышка! — произнёс Гэл нарочито бодро. — Кто тебя научил?

— Отец! — отрешённо проговорила Гера, и черты лица её вдруг как-то разом заострились. — Он устроил за домом специальные мишени для меня... и мы со Стивом...

Не договорив, она замолчала, до боли закусив губу. Гэл тоже молчал, глядя куда-то себе под ноги.

— Ты не думай, между нами ничего такого не было! — Гера осторожно взяла его за руку,

попыталась заглянуть в глаза. — Мы были тогда совсем ещё детьми, а потом...

Она вновь замолчала.

— Он тебе нравился? — спросил Гэл, по-прежнему стараясь не встречаться с девушкой взглядом.

— Я его ненавижу!

В негромком, сдержанном даже голосе Геры и в самом деле прозвучала ненависть. Вместе с затаённой какой-то болью...

— А ты... ты его знал?

— Да, — сказал Гэл, хоть ему очень хотелось сказать: «нет». — Я тоже был в том набеге...

— И что?

С каким-то жадным и испуганным любопытством девушка смотрела на Гэла.

— А ты что, не знаешь, что с нами там произошло? — Гэл вздохнул. — Нас наголову разбили...

— Что разбили, я знаю! — быстро проговорила Гера. — А что потом?

Это её любопытство было, почему-то, весьма неприятно Гэлу, и он уже начал жалеть, что завязал весь этот разговор.

— Потом мы выбрались из Чёрного леса, — неохотно проговорил он. — Втроём. Третьим был гном, как это не странно...

— Гном? — удивилась Гера. — Откуда он там

взялся?

— Долго объяснять...

Позади них вновь послышался слабый треск сучьев. Впрочем, он тут же стал удаляться куда-то в сторону, но Гэл всё же насторожился.

— Что-то тут не так! — сказал он негромко. — Не нравится мне всё это!

Некоторое время они стояли совершенно неподвижно и молча прислушивались, но так ничего и не услышали.

— Пойдём вдоль зарослей? — предложила Гера, показывая рукой в ту сторону, где незадолго до этого скрылся горный баран. — На луг, я думаю, выходить не стоит...

— Я тоже так думаю, — согласился Гэл. — Но пойдём мы лучше в противоположную сторону.

— Почему? — Гера удивлённо посмотрела на своего спутника. — А, понимаю! Интуиция?

— Ложись! — вместо ответа, шепнул Гэл девушке и, падая в траву, чуть ли не силой увлёк её за собой. — Не шевелись!

Сквозь заросли высокой травы они увидели вдруг, как несколько приземистых фигур в меховой одежде вышли из кустарника чуть правее.

— А вон ещё! — прошептала Гера, жарко дыша Гэлу прямо в ухо. — Сколько же их тут!

Количество врагов всё увеличивалось. Их уже скопилось на окраине луга несколько десятков, а из

кустарника продолжали появляться всё новые и новые воины. Правда, в сторону затаившихся беглецов никто даже не взглянул, все пришельцы, оживлённо перебрасываясь отрывистыми лающими возгласами, всматривались вдаль, на высоченные горные вершины, угрюмо вздымающиеся вдалеке.

— Уползаем! — прошептал Гэл. — Пока им не да нас, попробуем уйти незамеченными...

— Нет! — с какой-то тоской в голосе проговорила Гера. — Посмотри влево!

Гэл чуть повернул голову и тотчас же мысленно выругался. Не менее двух десятков воинов неизвестного племени уже преградили беглецам путь к отступлению и двигались они сейчас прямо в их сторону. Впрочем, пока что они тоже ничего подозрительного не заметили...

— Бежим! — прошептал Гэл, и они, пригибаясь, побежали по высокой траве в сторону белеющих вдалеке горных вершин. И почти сразу позади них послышались громкие крики, так похожие на собачий лай.

«Заметили!» — с горечью подумалось Гэлу. Впрочем, рассчитывать на то, что их так-таки никто и не заметит, было, по меньшей мере, наивно. Одна надежда была на то, что кривые короткие ноги чужаков не позволят им догнать беглецов, отсутствие же у преследователей луков и стрел тоже значительно облегчала задачу преследуемым.